

HISTORIA ROSSICA

СЕРГЕЙ АНТОНОВ

БАНКРОТЫ
И РОСТОВЩИКИ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

ДОЛГ, СОБСТВЕННОСТЬ
И ПРАВО ВО ВРЕМЕНА
ТОЛСТОГО
И ДОСТОЕВСКОГО

500 РУБЛЕЙ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Сергей Антонов

**Банкроты и ростовщики
Российской империи. Долг,
собственность и право во
времена Толстого и Достоевского**

«НЛО»

2016

УДК [323.326-055.2](091)(47+57)«18»
ББК 65.290-03(2)52

Антонов С. А.

Банкроты и ростовщики Российской империи. Долг, собственность и право во времена Толстого и Достоевского / С. А. Антонов — «НЛО», 2016 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-2004-9

Несмотря на то, что неформальные экономические отношения затрагивали почти все аспекты повседневной жизни Российской империи XIX века и служили важнейшим элементом общественного уклада, их изученность за пределами узкого круга специальной литературы оказывается чрезвычайно слабой. Книга С. Антонова подробно рассказывает о мире кредиторов и должников в переходный период от консервативного правления Николая I до эпохи Великих реформ. Банковский кредит в Российской империи середины XIX века был доступен далеко не всем, зато широкое распространение имели частные кредиты. Автор тщательно выстраивает исторический контекст и демонстрирует, как социальные и культурные факторы – респектабельность, социальное и семейное положение, честь, честность, успех – оказывали влияние на институт частного кредитования. В своей работе С. Антонов использует многочисленные судебные дела 1850–1860-х годов, в которых фигурируют самые разные персонажи: мужчины и женщины, мошенники и люди чести, ростовщики и картежники, купцы, аристократы и крепостные крестьяне. Исследование их взаимоотношений в рамках культуры кредита приводит автора к новым выводам относительно системы частной собственности и правовой системы в России XIX века. Сергей Антонов – PhD, преподаватель русской истории в Йельском университете в США.

УДК [323.326-055.2](091)(47+57)«18»

ББК 65.290-03(2)52

ISBN 978-5-4448-2004-9

© Антонов С. А., 2016

© НЛО, 2016

Содержание

Введение	7
Раннеиндустриальная культура кредита	11
Общество, собственность и капитализм в России	17
Право в Российской империи	21
Государство и право	27
Частный кредит и право	32
Часть I. Культура долга	40
Глава 1. Ростовщики в литературе и в жизни	41
Мораль, политика и право	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Антонов
Банкроты и ростовщики Российской империи. Долг, собственность и право во времена Толстого и Достоевского

© 2016 by the President and Fellows of Harvard College. Published by arrangement with Harvard University Press

© Н. Эдельман, перевод с английского, 2022

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

* * *

Кате, Ане, Марине и Наде

Введение

Читавшие Толстого, возможно, помнят сцену из «Анны Карениной» (написанной в 1875–1877 годах), в которой граф Алексей Вронский, любовник Анны, приводит в порядок свои финансовые дела, чем он привык заниматься «раз пять в год». Выяснив, что имевшихся у него денег едва хватит, чтобы расплатиться с десятой частью долгов, он разделил все свои денежные обязательства на три категории. Первая включала долги чести, такие как карточный долг, который он обязался заплатить за товарища-офицера. Эти долги подлежали безусловной оплате по первому требованию. Вторая категория, требовавшая только частичной оплаты, была связана со страстью Вронского к скачкам и включала, например, долги поставщику овса, шорнику и «англичанину» – очевидно, тренеру или конюху. В третью, самую большую категорию входили счета из магазинов, гостиниц и от портного. Для Вронского это были долги, «о которых нечего думать»¹.

Правила, согласно которым платить карточному шулеру обязательно, а лавочникам – нет, в глазах Толстого были настолько же «неразумны» и «нехороши», насколько они были «несомненны» для Вронского. Несмотря на то что не имелось законных способов заставить выплатить деньги, проигранные в карты или на скачках, все финансовое благополучие благородного человека зависело от скорейшей оплаты таких долгов: это было призвано убедить торговцев и ростовщиков в его кредитоспособности. О неспособности выплатить долги чести становилось немедленно известно, как сообщает Петр Вистенгоф, автор популярных очерков о московской жизни середины XIX века. Неплатежеспособные игроки из модных клубов города прибегали к «самым крайним мерам» и соглашались на непомерные проценты, лишь бы поскорее добыть денег у алчных заимодавцев². Согласно полицейскому расследованию 1861 года, посвященному «картежникам» и прочим «лицам, промышляющим разного рода плутовством и обманами», представление о том, что «картежный долг есть дело чести... укорени[лось] во всем обществе»³.

В реальной жизни, в противоположность художественной литературе, культурные нормы и практики, связанные с долгами – и отличающие их от купли-продажи, подарков или, например, вымогательства, – были какими угодно, но не бесспорными. Игрок мог отказаться от оплаты долга, но в таком случае он попадал в черный список своего клуба⁴. Другие люди, даже намного более влиятельные, чем вымышленный Вронский, ставили себе правилом аккуратно расплачиваться с поставщиками, домовладельцами и прислугой⁵. Кредитные отношения тесно связывали понятия о нравственности, власти и личной выгоде, совершенно не укладываясь в известные литературные и культурные стереотипы, согласно которым русских дворян принято считать бессмысленно-расточительными, ростовщиков – жестокими и безнравственными, а купцов – недалекими и малокультурными. Представления и суждения, связанные с вопросами доверия и кредитоспособности: о том, какое поведение можно считать уважаемым, достойным или разумным, как распознать банкротство и подлог, что делать, если должник не желает

¹ Толстой Л. Анна Каренина. М., 2019. С. 319–320 (Ч. 3. Гл. XIX).

² Вистенгоф П. Ф. Очерки московской жизни. М., 1842. С. 113; Шевцов В. В. Карточная игра в России: конец XIV – начало XX в. Томск, 2005; Helfant I. The High Stakes of Identity: Gambling in the Life and Literature of Nineteenth-Century Russia. Evanston, 2001. Даже царь Николай I незамедлительно выплачивал свои карточные долги; см.: Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 254.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. Оп. 91. Д. 113. Л. 23.

⁴ Английский клуб в Санкт-Петербурге был известен своей «черной доской», на которой записывались имена должников-неплательщиков: Комиссаренко С. С. Культурные традиции русского общества. СПб., 2003. С. 101–103.

⁵ Геттун В. Н. Записки // Исторический вестник. 1880. № 1. С. 280; см. также, например: Центральный государственный архив Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. (далее – ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г.). Ф. 50. Оп. 5. Д. 13156.

платить, и с какими кредиторами следует расплачиваться в первую очередь, – носили крайне условный характер и энергично оспаривались как в судах, так и посредством неформальных связей и покровительства. Эти представления нередко были весьма смутными и получали явное выражение лишь в случае нарушений, но и этого было достаточно, чтобы существовавшие в Российской империи группы владельцев собственности, неоднородные по социальному происхождению и юридическому статусу, сложились в обширную, хотя и неплотную сеть личного кредита⁶.

В настоящей книге воссоздается утраченный мир обычных заимодавцев и должников, а также далеко не обычных банкротов, ростовщиков и мошенников в переходный период от консервативного правления Николая I (1825–1855) до эпохи реформ, последовавшей за его смертью и поражением России в Крымской войне. Новый царь Александр II (1855–1881) в 1861 году отменил крепостное право, а в 1864-м реорганизовал судебную систему и правила судопроизводства. Новую судебную систему отличали гласность и состязательность судебного процесса, суд присяжных и профессиональная адвокатура. Еще одна серия реформ вдохнула новую жизнь в экономическую и финансовую структуру России, а также в культуру частной собственности, что современники превозносили как освобождение капитала. Росла железнодорожная сеть, создавались акционерные компании, совершенствовалась налоговая система, а на смену государственным банкам, существовавшим с XVIII века, пришли частные акционерные банки⁷.

Как нередко указывают историки, реформы не только не решили всех российских проблем, но и в действительности породили ряд новых. Многие принципиальные, но сомнительные аспекты российской жизни остались в неприкосновенности. Например, Россия до 1905 года оставалась самодержавной монархией, и в ней официально сохранялась пришедшая из XVIII века иерархическая система установленных законом сословий; несмотря на ослабление цензуры в 1860-х годах, ничем не стесненную речь вплоть до конца столетия можно было услышать лишь от адвокатов в залах судебных заседаний. Более того, Великие реформы не принесли немедленного экономического изобилия, так как ускорение промышленного развития стало намечаться лишь в 1880-х годах. Россия XIX века присутствовала на всемирном рынке в первую очередь как поставщик зерна и некоторых других видов сырья, а также как рынок для сбыта промышленной продукции; доход на душу населения оставался низким, при том что российская экономика по объему была равна французской или даже превосходила ее.

Исследуя экономическое и социальное развитие Российской империи, историки обычно предполагают, что одной из принципиальных – и в конечном счете для нее губительных – проблем являлась неспособность создать устойчивую культуру частной собственности, включая кредит, и полноценное правовое государство⁸. Считается, что и капитализм, и право в Рос-

⁶ Авторы некоторых работ отрицают существование такой общей идентичности среди российских групп собственников: *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Eds. E. Clowes, S. Kassow, J. West. Princeton, 1991; *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History* / Ed. H. Balzer. Armonk, NY, 1996.

⁷ О Великих реформах см., например: *Russia's Great Reforms* / Eds. B. Eklof, J. Bushnell, L. Zakharova. Bloomington: Indiana University Press, 1994; *Wortman R. The Development of a Russian Legal Consciousness*. Chicago, 1976 (см. рус. пер.: *Уортман Р. С. Властители и судии. Развитие правового сознания в императорской России*. М., 2004); *Великие реформы шестидесятых годов в их прошлом и настоящем* / Ред. И. В. Гессен, А. И. Каминка. СПб., 1905; *Джанишиев Г. А. Эпоха великих реформ*. В 2 т. СПб., 1905. О финансовых аспектах см.: *Ананич Б. В. Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.* Л., 1991; *Ананич Б. В. и др. Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва*. СПб., 2005. С. 244; *Бугров А. В. Очерки по истории казенных банков в России*. М., 2003. С. 7; *Кауфман И. И. Государственные долги России* // *Вестник Европы*. 1885. Т. 20. № 1. С. 572–618, особ. с. 584; *Owen T. The Corporation under Russian Law, 1800–1917: A Study in Tsarist Economic Policy*. Cambridge, 1991; *Kotsonis Y. States of Obligation: Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic*. Toronto, 2014.

⁸ *Pipes R. Russia under the Old Regime*. New York, 1974; *Civil Rights in Imperial Russia* / Eds. O. Crisp, L. Edmondson. Oxford, 1989; *Kahan A. The Plow, the Hammer, and the Knot: An Economic History of Eighteenth-Century Russia*. Chicago, 1985; *Farrow L. Between Clan and Crown: The Struggle to Define Noble Property Rights in Imperial Russia*. Newark, 2004; *Wagner W. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia*. Oxford, 1994; *Rieber A. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia*. Chapel Hill, 1991; *Owen T. Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1855–1905*. Cambridge,

сии были либо недоразвитыми, либо заимствованными из Западной Европы и нежизнеспособными, потому что у них якобы не имелось прочных корней в российском обществе и исторических традициях. Значение частной собственности и кредита для этих дискуссий самоочевидно, даже если мы вслед за Екатериной Правиловой откажемся от упрощенного понимания частной собственности, отождествляющего ее с модернити, прогрессом и политическими свободами, и признаем, что в России Нового времени «иные разновидности неэсклюзивной и неабсолютной собственности представляли современную альтернативу западной концепции собственности»⁹.

Тем не менее как личный кредит, так и культура частной собственности в Российской империи остаются очень слабо изученными: в существующих исследованиях Великих реформ, капитализма и структур собственности едва упоминается кредит и совершенно не объясняются его параметры, как и то, каким образом его экономические аспекты были связаны с процессами в социальной, политической, культурной и юридической сферах¹⁰. Единственным исключением является интереснейшая специальная литература, посвященная становлению современной банковской системы, в которой, однако, практически совсем не учитывается точка зрения заемщиков и клиентов банков, а также все разнообразие неформальных межличностных кредитных отношений, в которых участвовало подавляющее большинство жителей России, не имевших постоянного доступа к банкам¹¹.

Главный тезис этой книги состоит в том, что неформальный личный кредит затрагивал все аспекты жизни в Российской империи и служил фундаментом, на котором выстраивалась вся система частной собственности и весь общественный строй; при этом сам он опирался на достаточно эффективные юридические нормы, введенные в первую очередь с целью защиты интересов собственников. Соответственно, и нормативные акты, регулировавшие кредит, и практика правоприменения связывали абстрактный мир денег и обмена с конкретным миром семейной жизни, соседских отношений и материальных благ.

Первая часть настоящей работы посвящена культуре кредита, общей для разных групп собственников, существовавших в России. Мы рассмотрим деятельность частных заимодавцев и поместим личный кредит в контекст социальных и родственных взаимоотношений, а также культурных установок и практик, связанных с богатством, личной независимостью и несостоятельностью. Главная тема второй части – взаимодействие между частными лицами и государственным юридическим и административным аппаратом, включавшим полицию и суды, практикующих юристов и долговые тюрьмы. Обе части книги тесно связаны друг с другом и служат составными частями единого сюжета, поскольку культура кредита в значительной степени находила выражение в юридических нормах и практиках, в то время как право невозможно исследовать в отрыве от интересов и стратегий индивидуумов, пользовавшихся судами и служивших в них.

Настоящая работа не имеет своим предметом экономическую историю, хотя и содержит некоторые цифры, которые нельзя найти в прочих опубликованных источниках, поскольку они

1981; *Pintner W.* Russian Economic Policy under Nicholas I. Ithaca, 1967; *Baberowski J.* Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt am Main, 1996; несколько более оптимистические трактовки см. в: *Gregory P.* Before Command: An Economic History of Russia From Emancipation to the First Five-Year Plan. Princeton, 1994; *Malia M.* Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Belknap Press, 1999; см. также: *Read C.* In Search of Liberal Tsarism: The Historiography of Autocratic Decline // *Historical Journal*. 2002. Vol. 45. P. 195–210.

⁹ *Pravilova E.* A Public Empire: Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia. Princeton, 2014. P. 292. N. 5.

¹⁰ Russia's Great Reforms; *Rieber A.* Merchants and Entrepreneurs; *Owen T.* Capitalism and Politics; *Blackwell W.* The Beginnings of Russian Industrialization, 1800–1860. Princeton, 1968.

¹¹ *Боровой С. Я.* Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.). М., 1958; *Гиндин И. Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.). М., 1997; Кредит и банки в России; *Морозан В. В.* История банковского дела в России: вторая половина XVIII – первая половина XIX в. СПб., 2001; *Саломатина С. А.* Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917. М., 2004.

важны для аргументации. Вместо того я обращаюсь к методологиям социальной истории, истории культуры и права по мере необходимости в процессе изучения такого многогранного явления, как кредит. Подобно другим недавно вышедшим работам по истории России, моя книга исследует повседневную жизнь обычных людей, в противовес более привычной для нашего предмета логике государственной политики и правительственных учреждений¹². В качестве источников я использую преимущественно, хотя и не эксклюзивно, судебные дела, главным образом из дореформенных судов, ранее не изучавшиеся и тем более не публиковавшиеся. Большинство из них разбиралось в Москве, главном финансовом и коммерческом ядре Российской империи, или в Санкт-Петербурге, ее столице и центре внешней торговли. Однако сами транзакции и события, разбиравшиеся в столичных судах, нередко происходили и из других губерний, и потому было бы более точно представить настоящую книгу как работу о культуре кредита в Европейской России, исключаящую, однако, менее значительные центры кредита, располагавшиеся на западной и южной периферии империи, такие как Одесса, Бердичев и Варшава.

Рассматриваемые мной судебные дела различаются уровнем детализации, но, взятые вместе, они возвращают к жизни реальных мужчин и женщин XIX века: и богатых и бедных, но почти во всех случаях – не полностью обездоленных, хотя и не оставивших после себя никаких следов, помимо участия в исках и процессах. Отставной военный офицер Андрей Благинин выписывает долговое обязательство в качестве вознаграждения бедной мещанке, заботившейся о нем в старости, а теперь она судится с его наследниками. Молодой дворянин Петр Веселкин, его жена и два бывших купца вступают в сговор, придумав хитрый план получения денег под заклад несуществующих имений. Неграмотная немолодая торговка рыбой Мавра Бубенцова утверждает, что она слабая женщина, не искушенная в денежных делах, и потому ей следует простить ее долги. Некоторые из этих историй могли бы стать сюжетом для романа, другие вполне банальны, но все они демонстрируют, что личные кредитные отношения проникали во все сферы российской жизни, причем путями, которые необычны для современного читателя, но вместе с тем могут показаться ему знакомыми.

¹² См., например: *Smith A.* For the Common Good and Their Own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia Oxford, 2014; *Martin A.* Enlightened Metropolis: Constructing Imperial Moscow, 1762–1855. Oxford, 2013; *Antonova K. P.* An Ordinary Marriage: The World of a Gentry Family in Provincial Russia. Oxford, 2013; *Бокова В.* Повседневная жизнь Москвы в XIX веке. М., 2009; *Ransel D.* A Russian Merchant's Tale: The Life and Adventures of Ivan Alekseevich Tolchënov, Based on His Diary. Bloomington, 2008; *Cavender M.* Nests of the Gentry: Family, Estate, and Local Loyalties in Provincial Russia. Newark, 2007; *Randolph J.* The House in the Garden: The Bakunin Family and the Romance of Russian Idealism. Ithaca, 2007.

Раннеиндустриальная культура кредита

Необходимость трат на ремонт дома, оплату врачей и образование для детей очевидна так же, как и то, что мало кто может сегодня решить все эти задачи не прибегая к займам. Поскольку жизнь без долгов практически немислима, займы – их получение и выдача – формируют представления людей об их материальном достоянии – таком, как земля, дома, личная и интеллектуальная собственность и, конечно, деньги¹³. Однако в сравнении с нашим миром кредитных карт и транснациональных банков Российская империя и другие раннеиндустриальные общества отличались еще меньшей стабильностью частного дохода, еще большей нехваткой оборотных средств и еще меньшей адекватностью кредитных учреждений. Барон Андрей Дельвиг, инженер-строитель, осуществивший ряд крупных инфраструктурных проектов по государственным контрактам, вспоминал, что в 1847 году «можно было получить порядочное образование, иметь довольно значительные обороты по денежным делам и дожить, как я, до 34 лет, не имея понятия о банкирских конторах»¹⁴.

В результате представители всех социальных групп и уровней дохода – и торговцы, и потребители – были плотно опутаны сетью долговых отношений со своими родственниками, коллегами и соседями, а также – во все большей степени – с людьми, с которыми они никогда не встречались лично. Эта кредитная сеть опиралась не только на объективную информацию об экономическом положении и перспективах заемщиков, но и на их репутацию в сообществе, которая, в свою очередь, зависела от разделяемого данным сообществом набора культурных установок в отношении личной независимости и ответственности, чести, несостоятельности, наказания и собственности.

Ключевые черты российской культуры кредита – неформальные и личные связи, моральная экономика долга и ее влияние на различные неэкономические аспекты жизни – были характерны и для других раннеиндустриальных обществ, причем они особенно хорошо документированы для англо-американского мира¹⁵. Авторы этой литературы, отказываясь от чисто экономического подхода к истории кредита, подчеркивают его влияние на различные аспекты жизни: от политической идеологии и литературы до семейных отношений и гендерной идентичности. Кроме того, они показывают, каким образом представления о кредите и кредитные практики изменялись вместе с общей трансформацией капиталистических отношений на Западе, в первую очередь некоторые категории должников рассматривались как имеющие право на риск и заслуживающие снисхождения при сохранении сурового морализаторского отношения к остальным. Если коротко, то эти работы показывают, что переход к «современ-

¹³ Graeber D. *Debt: The First 5,000 Years*. New York, 2011; Geisst C. *Beggar Thy Neighbor: A History of Usury and Debt*. Philadelphia, 2013.

¹⁴ Дельвиг А. И. Мои воспоминания. Т. 2. М., 1913. С. 116.

¹⁵ По Великобритании см.: Muldrew C. *The Economy of Obligation: The Culture of Credit and Social Relations in Early Modern England*. Palgrave Macmillan, 1998; Finn M. *The Character of Credit: Personal Debt in English Culture, 1740–1914*. Cambridge, 2003; Johnson P. *Making the Market: Victorian Origins of Corporate Capitalism*. Cambridge, 2010; Ingrassia C. *Authorship, Commerce, and Gender in Early Eighteenth-Century England: A Culture of Paper Credit*. Cambridge, 1998. По США см.: Mann B. H. *The Republic of Debtors: Bankruptcy in the Age of American Independence*. Cambridge, 2002; Breen T. H. *Tobacco Culture: The Mentality of the Great Tidewater Planters on the Eve of Revolution*. Princeton, 1985; Sloane H. *Principle and Interest: Thomas Jefferson and the Problem of Debt*. Charlottesville, 1995; Balleisen E. *Navigating Failure: Bankruptcy and Commercial Society in Antebellum America*. Chapel Hill, 2001; Calder L. *Financing the American Dream: A Cultural History of Consumer Credit*. Princeton, 2001; Hyman L. *Debtor Nation: The History of America in Red Ink*. Princeton, 2011. По Франции см.: Crowston C. *Credit, Fashion, Sex: Economies of Regard in Old Regime France*. Durham, 2013; Fontaine L. *The Moral Economy: Poverty, Credit, and Trust in Early Modern Europe*. Cambridge, 2014; Kessler A. *A Revolution in Commerce: The Parisian Merchant Court and the Rise of Commercial Society in Eighteenth-Century France*. New Haven, 2007; Vause E. *In the Red and in the Black: Bankruptcy, Debt Imprisonment, and the Culture of Credit in Post-Revolutionary France*. Ph.D. diss., University of Chicago, 2012. По Германии см.: Sperber J. *Property and Civil Society in South-Western Germany, 1820–1914*. Oxford, 2005. См. также: Smail D. L. *Legal Plunder: Households and Debt Collection in Late Medieval Europe*. Cambridge, 2016.

ному» кредиту остался незавершенным и носил неоднозначный характер. В свете этой литературы создается впечатление, что развитие российского права и практики личного кредита в целом шло тем же путем, что и на Европейском континенте, и Россия в этом отношении не обнаруживает никакой или почти никакой так называемой «отсталости».

Адам Смит, его последователи и критики, и в первую очередь Маркс, рассматривали кредит как обезличенный «абстрактный фактор производства», причем его культурные и социальные аспекты ушли на задний план¹⁶. В российском контексте заслуживает внимания работа по теории кредита, написанная профессором Николаем Бунге (1852), который, возглавляя Министерство финансов в 1881–1886 годах, провел ряд важных экономических и социальных преобразований. Бунге признавал существовавшие ранее определения кредита, в том числе сформулированное шотландским экономистом Джоном Лоу (1671–1729). Лоу подчеркивал неэкономические аспекты кредита, включая честность и пунктуальность должника, а также защиту, которую обеспечивает судебная система. Тем не менее Бунге, посвятив свой трактат исключительно «материальным» основам кредитоспособности, утверждал, что эти моменты в целом несущественны для его анализа. В их число входили навыки должника и то, насколько продуктивно предполагалось использовать позаимствованные деньги, однако самым важным фактором являлось наличие собственности, которая могла бы служить обеспечением займа¹⁷. Анализ, представленный Бунге, особенно примечателен тем, с какой поспешностью он отмахивается от культурных, этических и правовых аспектов кредита.

Чрезвычайно влиятельную разновидность этой точки зрения можно найти в незаконченном третьем томе «Капитала» Маркса (опубликован в 1894 году), где проводится различие между ростовщическим и капиталистическим кредитом. Справедливости ради отметим: представление о том, что деятельность торговцев и предпринимателей сосредоточена в отдельном юридическом и финансовом мире, существовало в Европе на протяжении столетий. Как указывает Лоренс Фонтейн в отношении более раннего периода, две экономические культуры, «феодалная» и «капиталистическая», «существовали совместно, сближались и сталкивались друг с другом, но в то же время взаимно влияли и проникали друг в друга, выходя из этих столкновений обновленными». Согласно Марксу, докапиталистические ростовщические займы служили для поощрения потребления среди расточительного дворянства либо жившего натуральным хозяйством крестьянства и носили хищнический характер; иными словами, проценты по этим займам были такими высокими, что их было невозможно погасить, и потому к таким займам прибегали преимущественно высокопоставленные лица с целью утверждения и поддержания своей власти. Соответственно, Маркс утверждал, что в Древнем мире ростовщичество вело к порабощению; в аналогичном ключе дореволюционный русский историк Василий Ключевский утверждал, что ростовщичество и долги породили в России XVII века крепостное право¹⁸.

Заданные Марксом рамки служили основой для всех советских и многих постсоветских исследований на тему кредита, остававшихся в рамках экономической истории и посвященных возникновению современной капиталистической банковской отрасли. Личному и неформальному коммерческому кредиту в этих работах уделяется в лучшем случае немного внимания, причем он отождествляется с бедностью, несостоятельностью и стагнацией. Например, советский историк Саул Боровой в своей фундаментальной и новаторской работе о государственных и капиталистических банках в дореформенной «феодалной» России признавал, что частное кредитование было широко распространено и может служить мерилom для оценки государ-

¹⁶ *Smail J.* Credit, Risk, and Honor in Eighteenth-Century Commerce // *Journal of British Studies*. 2005. Vol. 44. P. 439–456; *Muldrew C.* Interpreting the Market: The Ethics of Credit and Community Relations in Early Modern England // *Social History*. 1993. Vol. 18. P. 163–183.

¹⁷ *Бунге Н. Х.* Теория кредита. Киев, 1852. С. 20.

¹⁸ *Fontaine L.* The Moral Economy. P. 6; *Маркс К.* Капитал. Т. 3. Гл. 36; *Ключевский В. О.* Происхождение крепостного права в России // *Сочинения*. Т. 8. М., 1990. С. 120–193.

ственной кредитной политики; однако, вынужденный следовать марксистской парадигме, он объявлял «ростовщичество» архаичным хищническим явлением, даже не подвергнув его хотя бы поверхностному анализу¹⁹. На труды Борового и других советских историков опираются стандартные западные работы Альфреда Рибера, Томаса Оуэна, Уильяма Блэквелла, Аркадия Кана и Джерома Блума²⁰.

Из тех же рамок исходят авторы немногих советских и постсоветских работ о кредите в раннее Новое время, в особенности посвященных купцам Петровской эпохи и крупным средневековым православным монастырям, вовлеченным в обширные и разнообразные кредитные операции и рассматриваемым в качестве предшественников современных банков. Из этих работ следует, что до Великих реформ 1860-х годов и даже до Петра I в России столетиями существовала обширная, активная и разнородная сеть частного кредита. Однако частный кредит при этом не увязывается с более широкими социальными, политическими и культурными процессами²¹.

Новейшая историография уделяет основное внимание изменению культурных и правовых установок в отношении долга, сопутствовавших европейской коммерческой и индустриальной экспансии в 1750–1850-х годах. Крэйг Малдрю показывает, что предтечей этой экспансии в Англии XVI века являлся взрыв потребления, займов и судебных тяжб, связанных с долгами. На протяжении XVIII века финансовая несостоятельность и банкротство – по крайней мере, в том, что касалось богатых людей, – в глазах политиков, теологов и юристов перешли из сферы моральных проступков, заслуживающих кары, в сферу рисков, присущих коммерческим операциям и полезных для них. Брюс Мэнн показал то же самое в отношении колониальной Америки и ранних лет существования США. Долг стал считаться благоприятной коммерческой возможностью, а не обузой, что сопровождалось и соответствующим изменением законов: к концу XIX века в большинстве крупных западных юридических систем было введено освобождение от долгов при банкротстве и ограничены либо упразднены тюремное заключение за долги, а также антиростовщические законы²².

Переход к капиталистическому кредиту на Западе носил неоднозначный и неполный характер, так как моральные и политические соображения во многих случаях по-прежнему брали верх над экономическими расчетами. Даже в Великобритании, где кредитно-финансовая революция произошла намного раньше, чем в России, неформальные и глубоко пропитанные моралью долговые отношения, причем в отношении низших классов носившие более карательный и ограничивающий характер, продолжали существовать и в XX веке. В США модернизация законов, связанных с банкротством, тюремным заключением за долги и ограничениями на величину процентных ставок, шла на протяжении XIX века скачкообразно, поэтому постоянный федеральный закон о банкротстве был принят лишь в 1898 году. Согласно Лендолу Калдеру, даже в XX веке возникновение современного потребительского кредита в США стало возможно благодаря сохранению таких старых ценностей, как «благоразумие, экономия и тру-

¹⁹ Боровой С. Я. Кредит и банки; Бугров А. В. Очерки.

²⁰ Rieber A. Merchants and Entrepreneurs; Owen T. Capitalism and Politics; Blackwell W. The Beginnings of Russian Industrialization; Kahan A. The Plow; Blum J. Lord and Peasant in Russia: From the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, 1961. P. 379–385.

²¹ Боровой С. Я. Кредит и банки. С. 9–38; Аналич Б. В. Кредит и банки. С. 11–70; Kaiser D. H. «Forgive Us Our Debts»: Debtors and Debtors in Early Modern Russia // Forschungen zur ostereuropäischen Geschichte. 1995. Nr. 50. S. 155–193; Тихомиров М. Н., Зимин А. А. Книга ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. М., 1948; Бугров А. В. Очерки. С. 14–32; Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005; Голикова Н. Б. Ростовщичество в России начала XVIII в. и его некоторые особенности // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970. С. 242–290; Голикова Н. Б. Кредит и его роль в деятельности русского купечества в начале XVIII в. // Русский город. Вып. 2. М., 1979. С. 161–197; Dennison T. The Institutional Framework of Russian Serfdom. Cambridge, 2011. P. 181–198.

²² Muldrew C. The Economy of Obligation; Mann B. H. The Republic of Debtors; Finn M. The Character of Credit; Cohen J. The History of Imprisonment for Debt and Its Relation to the Discharge in Bankruptcy // The Journal of Legal History. 1982. Vol. 2. P. 153–171.

долюбие», парадоксальным образом ограничивавших накопление избыточных долгов. Также и во Франции, послужившей основным образцом для России при принятии законов о банкротстве, как и многих других, традиционные морализаторские установки в отношении должников оставались очень сильными на протяжении большей части XIX века. В германском регионе Пфальце «свобода распоряжения собственностью на рынке достигла в XIX веке максимума», однако условия рыночных сделок диктовались личными взаимоотношениями, «завязанными на всевозможные культурные представления о доверии, независимости, компетентности, зрелости и семейных перспективах в плане распоряжения собственностью»²³.

В том, что касается России, лишь немногие исследования хотя бы вкратце затрагивают социальные и правовые аспекты кредита: Юрий Лотман и Джером Блум отмечали, что дореформенное дворянство погрязло в долгах, в то время как Каган, Рибер, Оуэн и Блэквелл в своих работах, посвященных русскому капитализму и капиталистам, полагают, что нехватка кредита и недостаток доверия вообще серьезно ограничивали размах торговых операций²⁴. Авторы более специализированных работ не согласны с этим: например, Иосиф Гиндин утверждает, что в плане развития крупных банков Россия не слишком отставала от других континентальных государств. Гиндин и другие историки, изучавшие бремя задолженности дворян перед государством накануне освобождения крестьян, исследовали часто цитируемые данные, согласно которым в 1859 году две трети всех крепостных крестьян, принадлежавших частным лицам, было заложено в государственных банках, и выяснили, что это бремя отнюдь не было непосильным в сравнении с общей величиной активов, доступных владельцам крепостных. В частности, Борис Литвак указывал, что более преуспевающие дворянские имения были вместе с тем и более отягощены долгами и что задолженность, таким образом, свидетельствовала об экономической жизнеспособности и процветании, а вовсе не о неплатежеспособности или нерентабельности. Тем не менее влияние кредита на русское дворянство по-прежнему очень слабо исследуется, в противоположность тем обширным дискуссиям, которые ведутся о долгах английских аристократов²⁵. Так, Андрей Введенский в великолепном исследовании о торговой империи Строгановых на севере России отмечает, что в основе богатства этого семейства еще в XV веке стояли операции с кредитами и залогом недвижимости, но, к сожалению, уделяет обсуждению этого вопроса менее страницы²⁶. Работа Виктора Захарова о западноевропейских купцах в петровской России передает дух столкновения и сосуществования московской и западной культур кредита, но, к сожалению, автор не развивает эту тему далее²⁷.

В отсутствие научных работ, документирующих изменение социальных, культурных и правовых аспектов кредита, приходится обращаться к художественным произведениям крупнейших русских писателей и драматургов. Пожалуй, наиболее известное из таких произведений – классическая пьеса «Свои люди – сочтемся» (1849) о традиционной культуре москов-

²³ Finn M. The Character of Credit; Calder L. Financing the American Dream. P. 28; Vause E. In the Red and in the Black; Sperber J. Property and Civil Society. P. 127.

²⁴ Лотман Ю. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарии. Л., 1983. С. 36–42; Kahan A. The Plow. P. 311–318; Blum J. Lord and Peasant. P. 379–385; эти аргументы повторяются в: Farrow L. Between Clan and Crown. P. 179, 195–201; о коммерческом кредите см.: Owen T. Capitalism and Politics. P. 10–15; Rieber A. Merchants and Entrepreneurs. P. 27, 35, 191–195; Blackwell W. The Beginnings of Russian Industrialization. P. 88–95.

²⁵ Гиндин И. Ф. Банки. С. 465–467, 505–507; Боровой С. Я. Кредит и банки. С. 181–213; Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 года: Черноземный центр, 1861–1865 гг. М., 1972. С. 379–384; Becker S. Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. DeKalb, 1986. P. 47–51; Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России: конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 220–221; Domar E. D., Machina M. J. On the Profitability of Russian Serfdom // The Journal of Economic History. 1984. Vol. 44. P. 919–955; Gatrell P. The Meaning of the Great Reforms in Russian Economic History // Russia's Great Reforms. P. 84–101. См. также: Field D. The End of Serfdom. Cambridge, 1976. P. 31; Emmons T. The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge, 1968. P. 30; Blum J. Lord and Peasant. P. 379–385. Об Англии см.: Cannadine D. Aspects of Aristocracy: Grandeur and Decline in Modern Britain. New Haven, 1994. P. 37–54.

²⁶ Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962. С. 36.

²⁷ Захаров В. Н. Западноевропейские купцы.

ских купцов. Ее автор, Александр Островский, был сыном юриста и одно время сам служил в суде. Моя интерпретация, не совпадающая с принятыми суждениями об этой пьесе, носившей первоначальное название «Банкрот», заключается в том, что она фиксирует возросшую приемлемость процедуры банкротства и правовых механизмов в целом как нормального аспекта российской коммерческой культуры. Пьеса раскрывает, как в банкротстве проявляется вековечное напряжение между моралью и властью, и показывает, как распространение банкротства наносило непоправимый ущерб традиционным кредитным практикам, основанным на личном характере и репутации²⁸. Последний этап этого перехода иллюстрируется в натуралистическом романе «Хлеб» (1895) Дмитрия Мамина-Сибиряка, посвященном становлению современного акционерного банка в небольшом уральском городе, – возможно, самом подробном художественном описании капитализма и кредитных отношений в Российской империи. Владельцы банка быстро берут в свои руки производство зерна и алкоголя в этом богатом регионе, разрушая старую систему кредита, основанную на давних социальных и родственных связях. Как ни странно, развитие организованного капиталистического кредита у Мамина-Сибиряка одновременно ведет к расширению масштабов традиционных «ростовщических» операций вместо их вытеснения²⁹.

Возможно, главной причиной, по которой эти любопытнейшие, но фрагментарные наблюдения, связанные с развитием кредита в России, не получили дальнейшего развития, являлось широкое распространение идеализированных евроцентричных и особенно англоцентричных моделей кредита и капитализма. Вышеупомянутые работы, посвященные культуре кредита в Западной Европе и Северной Америке, показывают, что на практике эти модели оказываются такими же фрагментированными и спорными, какими они были в России, и что диктуемые ими правила, как указывает Пол Джонсон, не являлись «ни естественными, ни нейтральными, ни... в каком-либо традиционном смысле социально или экономически оптимальными»³⁰. Европейцам и американцам в XIX веке были свойственны настороженность и разногласия в отношении многих ключевых аспектов современного капитализма, таких как ограниченная ответственность, освобождение банкротов от долгов, бумажные деньги, финансовые преступления, суды и адвокатская профессия, а также мораль предпринимательского класса. Как предлагает Сара Маза в своей работе, посвященной «мифу» о французской буржуазии, пора «перестать проецировать англосаксонскую модель с ее неременной связью между капитализмом, либеральной демократией и индивидуализмом среднего класса на континентальные общества. Также, возможно, настало время задуматься над тем, не является ли англо-американская модель исключением, а не нормой в эволюции западной культуры»³¹.

Что более принципиально, в работах прежних лет, посвященных как русскому, так и западному капитализму XIX века, предполагалось, что сам по себе этот идеал, как бы его ни определять, является безусловным благом и что всем трезвомыслящим русским людям того времени надлежало стремиться к как можно более точному воплощению этого идеала в жизни. И эту предпосылку сейчас устойчиво подрывает переживающая новый расцвет литература о развитии капитализма на Западе, пользующаяся разнообразными источниками и переосмысляющая некоторые неудобные связи между капитализмом и геноцидом, рабством, империа-

²⁸ *Островский А. Н.* ПСС. Т. 1. М., 1973. С. 85–152. См. также: *Лакуин В. Я.* Александр Николаевич Островский. М., 1982; *Hoover M. Alexander Ostrovsky.* Boston, 1981; *Patouillet J.* Ostrovski et son Théâtre de Moeurs Russes. Paris, 1912. P. 108–120.

²⁹ *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Собрание сочинений. Т. 9. М., 1958. С. 7–362.

³⁰ *Johnson P.* Making the Market. P. 24.

³¹ *Searle G. R.* Morality and the Market in Victorian Britain. Clarendon Press, 1998. P. 77–106; *Alborn T.* Conceiving Companies: Joint Stock Politics in Victorian England. Abington, 1998; *Taylor J.* Boardroom Scandal: The Criminalization of Company Fraud in Nineteenth-Century Britain. Oxford, 2013; *Robb G.* White-Collar Crime in Modern England: Financial Fraud and Business Morality, 1845–1929. Cambridge, 1992; *Victorian Investments: New Perspectives on Finance and Culture / Eds. N. Henry, C. Schmitt.* Bloomington, 2009; *Maza S.* The Myth of the French Bourgeoisie: An Essay on the Social Imaginary, 1750–1850. Cambridge, 2003. P. 203.

лизмом и преступностью. Дэниэл Лорд Смэйл в своем исследовании о юридической и экономической культуре Марселя в раннее Новое время проводит связь между принуждением – как легальным, так и экстралегальным – и экономикой, играющую роль «смазки, облегчающей перемещение средств от одного лица к другому», и при этом дает понять, что эта идея сохраняет силу и в наше время. Также на основе эмпирических фактов оспаривается известная теория Дугласа С. Норта, согласно которой «свободные» институты неизбежно влекут за собой экономический рост и удешевление кредита. Как отмечает Екатерина Правилова, даже частная собственность все чаще рассматривается исследователями как дисциплинарный проект, «символически связанный с государственным принуждением и предписывающими правилами»³².

Как и во всех других европейских странах, частный кредит в России XIX века отступал от некоторых практик, типичных для того времени, и следовал другим. Капиталистическая культура кредита в ее повседневном практическом воплощении была расплывлена среди носителей различных частных и институциональных интересов и сочетала в себе практики принуждения, которые (в противоположность периоду раннего Нового времени) почти никогда не имели внесудебного характера, с практиками компромисса и консенсуса. В целом вопрос о том, почему Россия – не Британия, – важный, но в данном случае вторичный с точки зрения понимания того, что Россия представляла собой в реальности.

³² *Pravilova E.* A Public Empire. P. 4; *Johnson W.* River of Dark Dreams: Slavery and Empire in the Cotton Kingdom. Belknap Press, 2013; *Baptist E.* The Half Has Never Been Told: Slavery and the Making of American Capitalism. Basic Books, 2014; *Beckert S.* Empire of Cotton: A Global History. Knopf, 2014; *Mihm S.* A Nation of Counterfeiters: Capitalists, Con Men, and the Making of the United States. Cambridge, 2007; *Davis M.* Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World. Verso, 2001; *Smail D. L.* Legal Plunder. P. 14; критику теории Норта см. в: *Allen R.* The British Industrial Revolution in Global Perspective. Cambridge, 2009. P. 5.

Общество, собственность и капитализм в России

Сохранение в России неформального личного кредита наряду с прочими «старорежимными» структурами и практиками легко воспринять неверно внутри большого нарратива о принципиальной неполноценности или «отсталости» России, постулирующего ту или иную ущербность всех главных аспектов ее цивилизации. Даже историки, имеющие репутацию «оптимистов», утверждают, например, что Российская империя оставалась сословно фрагментированной в соответствии с порядками раннего Нового времени, что из крестьян не получились фермеры-капиталисты, что дворяне – а в дальнейшем и интеллигенция – не сумели стать эффективным правящим классом, что купцы и прочие городские группы так и не превратились в буржуазию западного типа, что в стране не развивался капитализм, что ее правительство не выполняло своих функций и что законность и институт частной собственности пребывали в зачаточном состоянии или вовсе отсутствовали. Например, в научной литературе отнюдь не являются чем-то небывалым утверждения о том, что «русские дворяне нередко владели землей, но у них не было частной собственности». И хотя такие заявления в таком концентрированном виде можно встретить лишь в немногих работах, с ними почти неизменно соглашаются как с чем-то очевидным³³.

Этот нарратив ущербности подвергается пересмотру в работах, авторы которых воспользовались возможностью изучить архивные материалы, при советской власти остававшиеся недоступными для историков. Современные исследователи встраивают в существующие трактовки институтов и политических процессов микроисторическую перспективу, отсутствовавшую на протяжении долгого времени, и тем самым разрушают некоторые из излюбленных мифов о русских крестьянах, дворянах и купцах.

Одна из ключевых научных дискуссий касается факта официального разделения русского общества на юридические категории, или сословия, существовавшие до 1917 года и продолжавшие влиять на жизнь людей в течение долгого времени после революции. Система сословий, основными из которых были крестьянство, дворянство, духовенство, а также несколько городских и коммерческих категорий, обычно трактуется как важный фактор, препятствовавший социальному развитию России, ограничивавший социальную мобильность и формирование коллективных идентичностей. Вместе с тем более новые идентичности, основанные на владении собственностью и образовании, влекли за собой то, что Катриона Келли называет «конвергенцией вкусов» российских классов землевладельцев, коммерсантов и служащих, аналогично процессу, происходившему немного ранее в георгианской Англии. Элисон Смит показывает, что сословная система, будучи связана с «обязанностями, возможностями, чувством принадлежности и иерархией», несла в себе многочисленные смыслы, служившие предметом конкуренции и торга между государственными учреждениями, местными сообществами и отдельными личностями³⁴.

³³ *Farrow L.* Between Clan and Crown. P. 21–22. Выдвигаемая Фэрроу концепция частной собственности основывается на распространенных в популярной культуре идеях об абсолютной и эксклюзивной собственности, которые никогда не существовали ни при одном юридическом режиме – ни нормативно, ни на практике. Историографический обзор «оптимистической» литературы см. в: *Read C.* In Search of Liberal Tsarism.

³⁴ *Smith A.* For the Common Good; *Kelly C.* Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford, 2001. P. 99; *Confino M.* The *Soslovie* (Estate) Paradigm: Reflections on Some Open Questions // *Cahiers du monde russe.* 2008. Vol. 49. P. 681–704; *Freeze G. L.* The *Soslovie* (Estate) Paradigm and Russian Social History // *The American Historical Review.* 1986. Vol. 91. P. 11–36; *Wirtschaftler E. K.* Structures of Society: Imperial Russia's «People of Various Ranks». DeKalb, 1994; *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословное общество Российской империи. М., 2010; *Mironov B.* A Social History of Imperial Russia. 2 vols. Westview Press, 1999; см. также: *Vickery A.* The Gentleman's Daughter: Women's Lives in Georgian England. New Haven, 1998.

Российская культура частной собственности и кредита была такой же сложной, и долговые взаимоотношения не имели четкого соответствия в сословной структуре. Несмотря на то что люди нередко предпочитали иметь дело с лицами, равными им по статусу, долговые связи пересекали социальные и экономические границы, порой соединяя даже людей, лично незнакомых друг с другом. Акт получения ссуды, даже в тех случаях, когда он представлял собой единственное взаимодействие между лицами, резко различавшимися своим общественным положением, должен был опираться на систему коллективных представлений и совместного опыта. Они могли включать представления о том, что долги нужно возвращать, что родственники обычно помогают друг другу или что заимодавец должен быть готов и способен добиваться выплаты долга через суд³⁵.

Согласно другому важнейшему стереотипу о России, ее многочисленное крестьянское население представляло собой экзотическую, однородную массу живущих натуральным хозяйством бедных земледельцев, незнакомых с рыночными отношениями и не имеющих никакого понятия о «западном» праве. В противоположность этому устоявшемуся взгляду историки Дэвид Мун, Джейн Бербанк, Трэйси Деннисон и Алессандро Станциани показали, что крестьяне различались уровнем благосостояния и занятиями, активно участвовали в рыночных отношениях и с готовностью использовали судебные процедуры для решения имущественных и прочих споров. Эти факторы в сочетании с сезонным и непредсказуемым характером сельскохозяйственного цикла не позволяли обойтись без кредита ни крестьянам, работавшим на земле, ни дворянам, которым подчинялась значительная их часть – и которые жили за их счет, – ни государству, собиравшему и с тех и с других как прямые, так и косвенные налоги³⁶.

Сами дворяне-крепостники нередко изображаются расточительными и бесхозяйственными, а потому безнадежно погрязшими в долгах, но в то же время ревниво охраняющими свои экономические привилегии³⁷. Однако эти устаревшие описания относятся к небольшой, численностью менее чем 3 тыс. человек, прослойке богатейших помещиков, которые могли себе позволить роскошный образ жизни и огромные долги. Они игнорируют существование десятков тысяч образованных, но в большинстве своем консервативных и религиозных землевладельцев, которые могли вести комфортабельную жизнь, но для этого должны были эффективно управлять своей собственностью. В работах Сеймура Беккера, Мишель Ламарш Маррезе, Кэтрин Пикеринг Антоновой и Валери Кивелсон показано, к каким различным юридическим и социальным стратегиям прибегали подобные семейства средней руки. В число стратегий входили законное разрешение замужним женщинам владеть и распоряжаться собственностью, обширные горизонтальные и вертикальные социальные и родственные связи и даже нередко критикуемый обычай равного раздела наследства. Екатерина Правилова в том же ключе исследовала зарождение понятий и практик, связанных с общественной – в противоположность частной – собственностью в Российской империи. Анализируемые в этих работах модели и практики владения собственностью – сложные и никогда не являвшиеся абсолютными либо эксклюзивными – имеют большое сходство с их западными аналогами XIX века.

Давно сложившееся представление о российской провинции как о глухом захолустье пересматривают авторы исследований, посвященных поместному дворянству. Помимо Антоновой, историки Сьюзен Смит-Питер, Мэри Кэвендер и Кэтрин Евтухов в своих работах демонстрируют насыщенность и многообразие провинциальной культуры, в которой не обнаруживается никакого чеховского стремления к столичной жизни; ее многие дворяне вполне

³⁵ Об Англии в эпоху раннего Нового времени см.: *Muldrew C. The Economy of Obligation.*

³⁶ *Moon D. The Russian Peasantry 1600–1930. Reading, 1999; Burbank J. Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington, 2004; Dennison T. The Institutional Framework; Stanziani A. Bondage: Labor and Rights in Eurasia from the Sixteenth to the Early Twentieth Centuries. New York, 2014; см. также: Hoch S. Serfdom and Social Control in Russia. Chicago, 1989. Можно отметить такую важную старую англоязычную работу о крестьянах, как: *Blum J. Lord and Peasant.**

³⁷ *Blum J. Lord and Peasant. P. 379–385.*

сознательно избегали³⁸. Вопреки заключениям Ли Фэрроу и Уильяма Вагнера об отсталости дворянских «клановых» структур, сообщество дворян среднего достатка служило основой для самодостаточной и, судя по всему, вполне благополучной сельской культуры, которая была консервативной, но отнюдь не реакционной³⁹. Однако провинциальная самодостаточность была бы невозможной без кредитных отношений, которые, как отмечает Антонова, были тесно вплетены в жизнь дворянского имения и связывали душевладельцев с государством, их домочадцами и другими дворянами, а также крестьянами и членами других, менее привилегированных групп. Деньги и задолженность оказываются неотъемлемой частью повседневной жизни дворянства, а вовсе не катастрофой или следствием нереализованных стремлений.

Наконец, городское и торгово-промышленное население России состояло из купечества, обязанного за свои привилегии выплачивать ежегодные гильдейские взносы, а также из мещан и цеховых, различавшихся уровнем благосостояния, но, подобно купцам, имевших собственную корпоративную организацию. За исключением самых богатых купцов, на всех них, как и на крестьян, распространялись воинская и податная повинности и телесные наказания. Историческая память не была милосердна к этим людям: традиционное русское купечество, осуждаемое в советскую эпоху за принадлежность к капиталистам, а в западной литературе подвергнувшееся критике за то, что были не вполне капиталистами, стало объектом насмешек и экзотизации и не воспринималось в качестве полноценного участника исторического процесса из-за предполагаемой неспособности возглавить капиталистическое развитие России вследствие своей отсталости, нечестности и кастового мышления, якобы обособлявших купцов от остального общества⁴⁰.

Как и в случае с провинциальной жизнью, другие работы об этих сословиях, преимущественно написанные в последние годы, воссоздают динамичную культуру, не похожую на мир дворян и крестьян, но все же тесно связанную с ним и вполне сложившуюся уже в XVIII веке. Уильям Блэквелл в своем исследовании 1968 года о развитии промышленности в России в 1800–1861 годах утверждает, что его движущей силой, наряду с другими группами, служили и купцы с их предпринимательскими навыками. Дэвид Рэнсел в своем микроисторическом исследовании дневника одного купца конца XVIII века опроверг миф о невежестве и грубости купечества. Он изображает его «не как непроницаемую, герметически закрытую социальную заводь, а как более динамичную и красочную социальную среду, в которой могли процветать, терпеть крах и начинать заново такие персонажи, как Толчёнов». Александр Куприянов показывает, что дореформенные коммерческие элиты активно участвовали в городском самоуправлении и были способны отстаивать свои интересы в противостоянии с бюрократией.

В своей недавней работе о Москве как об «имперском социальном проекте» Александр Мартин исследует попытки государства превратить жителей Москвы в современную буржуазию, способную конкурировать с буржуазией западных держав. По различным причинам – включая разорение города французами в 1812 году – москвичи так и не превратились в подобие парижан или лондонцев, однако, и Мартин это показывает, разнородные средние слои все сильнее сближались в своей жизни, совместно проводили досуг и неизбежно пересекались друг с другом в деловой и служебной деятельности⁴¹. Вышеупомянутые исследования, непосред-

³⁸ Becker S. Nobility and Privilege; Marrese M. L. A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861. Ithaca, 2002 (рус. пер.: Мазепа М. Л. Бабы царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М., 2009; Kivelson V. The Effects of Partible Inheritance: Gentry Families and the State in Muscovy // Russian Review. 1994. Vol. 53. P. 197–212; Cavender M. Nests of the Gentry; Smith-Peter S. The Russian Provincial Newspaper and Its Public, 1788–1864 // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. Vol. 1908. Pittsburgh, 2008; Evtuhov C. Portrait of a Russian Province: Economy, Society, and Civilization in Nineteenth-Century Nizhni Novgorod. Pittsburgh, 2011; Antonova K. P. An Ordinary Marriage.

³⁹ Farrow L. Between Clan and Crown; Wagner W. Marriage, Property, and Law.

⁴⁰ См., например: Rieber A. Merchants and Entrepreneurs; Owen T. Capitalism and Politics; Pintner W. Russian Economic Policy.

⁴¹ Smith A. Trading in Tsarist Russia. Рецензия на Ransel D. A Merchant's Tale. H-HistGeog (November 2009) (<https://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=25651>); Blackwell W. The Beginnings of Russian Industrialization; Куприянов А. И. Культура

ственно не связанные с темой кредита, показывают, что практики и мировоззрение купечества и прочих групп горожан, владевших собственностью, нельзя сводить к устаревшим стереотипам, попеременно подчеркивающим то их нечестность, то чрезмерную зависимость от основанных на доверии связей, противопоставляемых формальным источникам кредита.

городского самоуправления русской провинции, 1780–1860-е годы. М., 2009; *Martin A. Enlightened Metropolis*. См. также: *Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века*. М., 2006; *Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени*. М., 2004.

Право в Российской империи

Помимо общих культурных норм и кредитных посредников, обширная, но аморфная кредитная сеть России опиралась на формальные юридические механизмы, использовавшиеся заемщиками и займодавцами для решения и даже предотвращения споров в тех случаях, когда оказывались бессильными личная честь, родственные связи и сети покровительства. Даже когда займы не оспаривались в суде, закон все равно определял ключевые параметры культуры кредита, включая оформление долговых документов и категории лиц, участвовавших в кредитной сети или исключенных из нее. Похожим образом, Крэйг Малдрю продемонстрировал, что правовая система в Англии эпохи раннего Нового времени также играла ключевую роль после того, как объем кредитных трансакций резко вырос в середине XVI века и традиционная опора на общинные сети взаимного доверия перестала отвечать потребностям⁴².

Однако если авторы западных работ, посвященных истории долга, изображают правовую систему просто как пространство тяжб и взаимодействий, неотъемлемых от долговых отношений, и не ставят под сомнение основы права как такового, то в случае России само место права в русском обществе и культуре представляет собой важную историографическую проблему. Право, подобно капитализму, нередко объявляется заимствованием, чужеродным традиционной русской культуре.

Многие специалисты и непрофессионалы верят в правовую исключительность России: что отношение к праву и к его роли в политике и обществе принципиально отличает Россию от прочей западной культуры, причем в неблагоприятную сторону. В ряде влиятельных исследований, посвященных законодательству имперской эпохи и юридической науке, утверждается, что право в России было не просто ущербным или недоразвитым, а представляло собой маргинальную и невостребованную сферу деятельности либо даже вовсе «культурную фикцию» – то есть набор риторических текстов, никогда не предназначавшихся для применения в повседневной практике⁴³. Это плачевное положение дел объясняется либо отсутствием органической правовой традиции (Джон ЛеДонн, Лора Энгельштейн), либо якобы присущим крестьянам правовым нигилизмом (Йорг Баберовски), либо отсутствием политических и социальных институтов, которые могли бы способствовать развитию законности и бросить вызов самодержавию (ЛеДонн, Элиз Кимерлинг Виртшафтер), либо даже ментальностью православных христиан, якобы по самой своей природе делающей их неспособными к законопослушному поведению, присущему жителям Запада (Уриэль Проккачия)⁴⁴.

Этот чрезмерно критический подход подвергся пересмотру в работах, фокус которых направлен на то, как закон применялся на практике, в отличие от публикаций ученых-юристов и журналистов, которых интересовали вопросы реформ. Они убедительно показывают, что в России издавна существовала богатая правовая традиция. В частности, из работ Владимира Кобрин, Нэнси Шилдс Коллманн, Джорджа Вейкхардта, Ричарда Хелли и других специалистов по допетровскому гражданскому и уголовному праву следует, что в Московском государстве существовала динамичная, сложная и активно использовавшаяся судебная система

⁴² *Muldrew C. The Economy of Obligation.*

⁴³ *Живов В. М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002. С. 256–270.*

⁴⁴ Общие критические описания юридической сферы в России см. в: *Pipes R. Russia under the Old Regime. P. 287–297; LeDonne J. Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825. New York, 1991. P. 179–235; Baberowski J. Autokratie und Justiz; Wirtschafter E. K. Russian Legal Culture and the Rule of Law // Kritika. 2006. Vol. 7. P. 61–70; Engelstein L. Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia // The American Historical Review. 1993. Vol. 98. P. 338–353; Proccacia U. Russian Culture, Property Rights, and the Market Economy. Cambridge, 2007. P. 95–143; историографический обзор подобной литературы см. в: *Wortman R. Russian Monarchy and the Rule of Law // Kritika. 2005. Vol. 6. P. 145–170.**

с хорошо развитой процедурой⁴⁵. Виктор Захаров, Александр Каменский и Ольга Кошелева обнаруживают существование не менее динамичной правовой культуры в XVIII веке, подчеркивая, что юридические формальности являлись неотъемлемой стороной российской коммерческой практики, в то время как Джордж Мурро демонстрирует, что петербургские купцы XVIII века создали работоспособную систему коммерческого кредита, юридически опирающуюся на систему вексельного права⁴⁶. В своем выдающемся исследовании о том, как русские дворянки владели и управляли собственностью в дореформенной России, Мишель Ламарш Маррезе обнаруживает тесную связь правовой системы с личными имущественными правами и интересами, которые можно было определить и отстаивать в суде. Ричард Уортман в своем фундаментальном труде показывает, что в первой половине XIX века в России сложился корпус хорошо образованных и мотивированных юристов, создав интеллектуальные и идеологические предпосылки для последовавших реформ. Джейн Бербанк в замечательном исследовании о волостных крестьянских судах в начале XX века подробно рассматривает крестьянские практики правоприменения, отмечая их готовность прибегать к закону для решения споров и обращая внимание на тот факт, что значительную долю дел в волостных судах составляли долговые тяжбы⁴⁷.

Настоящая работа опирается на эту литературу в двух отношениях. Прежде всего, я исхожу не из революционной, а из эволюционной точки зрения на развитие права в России в середине XIX века. С первого взгляда такой подход может показаться контринтуитивным: в конце концов, судебная реформа 1864 года была, возможно, самым ярким, но отдельным событием в истории российского права, способствовавшим его доведению до самых высоких формальных стандартов той эпохи. Юридическое пространство, созданное этой реформой, обычно считается единственным явлением в истории российского права, заслуживающим симпатии и подробного изучения⁴⁸. Однако для российской культуры кредита 1864 год был всего лишь важным моментом в цепи событий, включавшей постепенные, но важные нововведения при Екатерине II и Николае I и уходящей в прошлое по меньшей мере до Соборного уложения 1649 года.

Сама по себе реформа 1864 года касалась только судоустройства и судопроизводства и непосредственным образом не затрагивала норм материального права, связанных с собственностью и кредитом, – они изменялись постепенно и по большей части оставались в силе до 1918 года. Более того, ряд самых важных реформ, связанных с кредитом, был проведен лишь в конце 1870-х годов, когда Великие реформы уже давно потеряли свою новизну. При всей значимости многих из этих изменений не менее поразительной была и преемственность – как в сфере материального права, не подвергнувшегося немедленному реформированию, так и в том, что владельцам собственности в середине XIX века приходилось иметь дело и со старыми, и с

⁴⁵ *Кобриш В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985; *Kollmann N. S.* Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, 2012 (рус. пер.: *Коллманн Н. Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016); *Kollmann N. S.* By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia. Ithaca, 1999; *Weickhardt G. G.* The Pre-Petrine Law of Property // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52. P. 663–679; *Weickhardt G. G.* Due Process and Equal Justice in the Muscovite Codes // *Russian Review*. 1992. Vol. 51. P. 463–480; *Hellie R.* Slavery in Russia, 1450–1725. Chicago, 1982. См. также: *Ананич Б. В.* Кредит и банки. С. 11–70; *Тихомиров М. Н., Зимин А. А.* Книга ключей.

⁴⁶ *Каменский А. Б.* Повседневность; *Захаров В. Н.* Западноевропейские купцы; *Кошелева О. Е.* Люди Санкт-Петербургского острова; *Munro G.* Finance and Credit in the Eighteenth-Century Russian Economy // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. 1997. Nr. 45. S. 552–560; *Idem.* The Role of the *Veksel'* in Russian Capital Formation: A Preliminary Inquiry // *Russia and the World of the Eighteenth Century* / Ed. R. P. Bartlett. Slavica Publishers, 1988. P. 551–564.

⁴⁷ *Marrese M. L.* A Woman's Kingdom; *Burbank J.* Russian Peasants Go to Court. См. также подробную библиографию в: *Wirtschaftler E. K.* Legal Identity and the Possession of Serfs in Imperial Russia // *The Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. P. 561–587.

⁴⁸ О реформе 1864 г. см.: *Wortman R.* The Development; *Копотких М. Г.* Судебная реформа 1864 года в России: Сущность и социально-правовой механизм формирования. Воронеж, 1994; *Baberowski J.* Autokratie und Justiz; *Kaiser F. B.* Die Russische Justizreform von 1864: Zur Geschichte der Russischen Justiz von Katharina II bis 1917. Leiden, 1972; *Попова А. Д.* «Правда и милость да царствуют в судах» (из истории реализации судебной реформы 1864 г.). Рязань, 2005.

новыми судами. Более того, личное имущество, документы и интересы не изменились в одночасье ни в 1862 году, когда определились принципы будущей реформы, ни в 1864 году, когда были изданы новые уставы, ни в 1866-м, когда постепенно начали открываться новые суды.

В этой длинной эволюционной цепи тем звеном, в котором особенно слабо разбираются даже специалисты, является судебная система, созданная Екатериной II в 1775 году и существовавшая до реформы 1864 года. Она служит исключительно полемическим фоном, с которым сравнивают достижения реформаторов. Дореформенные суды подвергались критике за их уязвимость для административного вмешательства и коррупции, за архаическое сословное судоустройство, за так называемый разыскной процесс, опиравшийся на жесткую систему «формальных доказательств», а также за низкую квалификацию судебного персонала⁴⁹.

Эту тональность задавали юристы, в конце XIX века защищавшие реформированную судебную систему от консервативных нападок. Многим исследователям Российской империи знакомо высказывание славянофила Ивана Аксакова, в 1836–1842 годах обучавшегося в привилегированном Императорском училище правоведения, в дальнейшем хорошо узнавшего дореформенный уголовный суд, а 40 лет спустя писавшего: «Старый суд! При одном воспоминании о нем волосы встают дыбом, мороз дерет по коже!»⁵⁰ В духе подобных представлений Ричард Пайпс утверждал, что до 1860-х годов в России, по сути, не было такой вещи, как право, а по мнению Йорга Баберовски, существовавшие до 1864 года суды, хотя и были созданы по образцу западных, тем не менее не справлялись со своим делом, потому что так же слабо учитывали интересы крестьян, как и суды пореформенные⁵¹.

Даже если мы согласимся, что жуткие сценарии, излагаемые Аксаковым и прочими критиками, действительно имели место, и, более того, добавим к этим историям немало новых подобных случаев, дореформенные судебные дела, обсуждаемые в настоящей книге, тем не менее складываются в образ правовой системы, которая при всех своих изъянах не обнаруживает какой-либо крайней или исключительной дисфункциональности, помимо предсказуемых проявлений покровительства или экономического давления со стороны частных лиц или государственных чиновников – что представляет собой обычное явление даже в западных правовых системах, имеющих самую высокую репутацию. Несмотря на то что более богатые, высокопоставленные или более опытные лица имели более высокий шанс на победу в судебных баталиях, подобный исход никогда не был предопределен. Даже дореформенная судебная система не жила по «закону джунглей», и к царскому правосудию продолжали обращаться миллионы владельцев собственности, предпочитавших идти в суд, нежели прибегать к каким-либо альтернативным способам улаживания разногласий или защиты своих интересов. Коротко говоря, в настоящем исследовании утверждается, что жители империи выработали привычку защищать свои имущественные интересы в суде задолго до 1860-х годов, и оспаривается мнение о том, что реформы были навязаны населению, чья правовая культура якобы не позволяла в полной мере воспользоваться подобными инновациями.

⁴⁹ О переходе к екатерининской судебной системе см.: *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859; *Воропанов В. А.* Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII – первая половина XIX в.). Челябинск, 2011; о медицинской экспертизе в дореформенных судах см. в: *Becker E.* *Medicine, Law and the State in Imperial Russia.* Budapest, 2011; о становлении бюрократической законности см. в: *Raeff M.* *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800.* New Haven, 1983; *LeDonne J.* *Absolutism and Ruling Class;* о юридических реформах Петра I см. в: *Серов Д. О.* Судебная реформа Петра I. М., 2009. О дореформенной юридической бюрократии см. в: *Wortman R.* *The Development;* о Сперанском см. в: *Томсинов В. А.* Сперанский. М., 2006; *Фатеев А. Н.* Сперанский и его время. М., 2012; *Raeff M.* *Michael Speransky, Statesman of Imperial Russia, 1772–1839.* The Hague, 1957.

⁵⁰ *Аксаков И. С.* О старых судах // Сочинения. Т. 4. М., 1886. С. 652–666, особ. с. 655. Еще один лаконичный отзыв см. в: *Колмаков Н. М.* Старый суд // ПС. 1886. № 52. С. 511–544.

⁵¹ *Pipes R.* *Russia under the Old Regime;* *Baberowski J.* *Autokratie und justiz.*

Мой второй концептуальный вклад в изучение русского права состоит в уточнении стандартов оценок, используемых в дискуссиях о российской правовой культуре и юридической практике, и особенно стандартов сопоставлений – явных или неявных – между российской и прочими крупными правовыми системами западного образца. Такие сопоставления могут различаться своими деталями, но в конечном счете все они восходят к идеалу «верховенства закона» (по-английски – «rule of law»), варианты которого можно найти в разных правовых системах в разные периоды истории. Его английская разновидность, употреблявшаяся в Викторианскую эпоху, включала три главных принципа: 1) «равенство всех лиц перед законом, вне зависимости от их статуса и экономического положения»; 2) наличие парламента как «верховного законодателя»; и 3) защиту прав личности, прежде всего права на свободу и права собственности. В США эти принципы были дополнены введением письменной конституции и практики судебной ревизии федеральных и местных законов, хотя такая ревизия до XX века носила рудиментарный и непоследовательный характер.

Другой моделью верховенства закона, влиятельной в XIX веке, была немецкая концепция *Rechtsstaat*, или правового государства, в своем более либеральном прочтении требовавшая полностью представительного парламента, защиты прав личности и независимости судов, однако в 1848–1919 годах делавшая акцент на формальных аспектах права как «системе беспристрастных, абстрактных и всеобщих правил, не имеющих обратной силы», которые были выработаны законодателем, могут изменяться по его воле и подлежат соблюдению со стороны других ветвей власти. Эти ценности выдвигаются на первый план и в «формально-рациональном» идеальном типе законности, предложенном Максом Вебером⁵².

Неудивительно, что царской России с ее самодержавной властью и отсутствием многих из политических свобод не удавалось вполне соответствовать этим стандартам верховенства закона, особенно в его англо-американском варианте⁵³. Однако эти стандарты сами по себе уязвимы для критики как эмпирического, так и концептуального плана.

В эмпирическом плане важно помнить о многочисленных случаях несостоятельности верховенства закона в основных западных правовых системах, включая английскую, немецкую и американскую, несмотря на то что многие должностные лица в этих странах выбирались гражданами, чьи политические права были защищены лучше, чем в России. Список этих случаев весьма велик, включая санкционированный судом повсеместный режим расизма в США, национальное, классовое и гендерное угнетение в викторианской Британии, а также всем известную историю политических притеснений в Германии. Как отмечала применительно к более раннему периоду российской истории Нэнси Шилдс Коллманн, «на низовом уровне „рациональные“ государства Европы не выглядят такими уж рациональными, а приписываемое Московии „самодержавие“ не выглядит таким уж самодержавным»⁵⁴. В то же время исторические и эмпирически обоснованные концепции права более пригодны для сопоставления конкретных практик в России и других странах – таких, как наказание за преднамеренное банкротство и преследование ростовщичества или права собственности у женщин, – с целью

⁵² The Rule of Law: History, Theory and Criticism / Eds. P. Costa, D. Zolo. Dordrecht, 2007. Особ. п. 7–13. Классическое изложение английской доктрины см. в: Dicey A. V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. 8th ed. London, 1915; об отношении к немецкой концепции *Rechtsstaat* в России см. в: Oda H. The Emergence of *Pravovoe Gosudarstvo (Rechtsstaat)* in Russia // Review of Central and East European Law. 1999. Vol. 25. P. 373–434, особ. п. 378–379; см. также: The Rule of Law and Economic Reform in Russia / Eds. J. D. Sachs, K. Pistor. Boulder, 1997; Weber M. Economy and Society / Ed. G. Roth, C. Wittich. Vol. 2. Berkeley, 1968. Особ. п. 654–658.

⁵³ Приложение идей Вебера о политике и обществе к Российской империи, не сопровождающееся, однако, подробным анализом права и законности, см. в: Pipes R. Russia under the Old Regime.

⁵⁴ См., например: Finn M. The Character of Credit; Johnson P. Making the Market; *Idem*. Class Law in Victorian England // Past & Present. 1993. Vol. 141. P. 147–169; Powe L. The Supreme Court and the American Elite, 1789–2008. Cambridge, 2009; Lofgren C. The Plessy Case: A Legal-Historical Interpretation. Oxford, 1987; Horwitz M. The Transformation of American Law, 1780–1860. Cambridge, 1977; Desan S. The Family on Trial in Revolutionary France. Berkeley, 2004; Kollmann N. S. Crime and Punishment. P. 5.

выявления общих тенденций, которые Россия в каких-то случаях разделяла, а в каких-то – не разделяла с другими правовыми системами. Короче говоря, исходить из идеализированного образа английского или американского права и обнаруживать, что Россия была не в состоянии ему соответствовать, не более полезно, чем, скажем, утверждать, что православные русские были не настоящими христианами, поскольку в своей жизни они не следовали какому-либо «западному» образу христианина.

Несмотря на отсутствие работ, авторы которых систематически и интенсивно занимались бы применением правовых идей Вебера к России, в концептуальном плане специалисты по социологии права затруднили осуществление такого проекта, утверждая, что сам Вебер, невзирая на его симпатию к «формально-юридической» рациональности, неоднозначно относился к ее возможным преимуществам и осознавал ее неосуществимость на практике. Можно сказать, что веберовская теория права находила в западных правовых системах «непреодолимые трения между процессом и сущностью – между рациональностью по форме и по сути», а вовсе не триумфальное шествие первой⁵⁵.

Однако, невзирая на эти проблемы со стандартным определением верховенства закона и дихотомией рационального и деспотического начал, я отнюдь не собираюсь утверждать, что право было не более чем орудием социального и политического угнетения – как в дореформенной России, так и где-либо еще. Многие историки и правоведы подходят к праву как к процессу состязания и согласования, обычно оставляющему пространство для свободы действий на индивидуальном и групповом уровнях и не обязательно являющемуся благородным инструментом решения споров – с такой же легкостью его можно использовать и в качестве орудия социального конфликта. Например, Пол У. Кан выступает против склонности правоведов – которую он сравнивает с теологией – к акцентированию абстрактного образа верховенства закона и соответствующего чрезмерного внимания к проектам юридической реформы. Кан предпочитает относиться к праву как к «системе арен социальных конфликтов и системе ресурсов – институциональных и риторических, – которыми пользуются участники этих конфликтов»⁵⁶. Э. П. Томпсон в своей работе, посвященной одному из самых вопиющих примеров коррумпированности и классового характера права в Англии XVIII века, тем не менее встает на защиту верховенства закона, которое, по его мнению, могло служить опорой для существующих властных структур только в том случае, если оно воспринималось как работающее время от времени на пользу зависимых лиц и групп: «В случае явной пристрастности и несправедливости права оно ничего не маскирует, ничего не легитимизирует, не вносит никакого вклада в гегемонию какого-либо класса. Принципиальная предпосылка эффективности права с точки зрения его идеологической функции состоит в том, что оно должно демонстрировать защищенность от каких-либо грубых манипуляций и производить впечатление справедливого. А оно окажется неспособно к этому, если не будет соблюдать своей собственной логики и критериев равенства; более того, время от времени ему действительно нужно *быть* справедливым»⁵⁷. В России правовая система тоже подвергалась внесудебному давлению и сама по себе

⁵⁵ *Feldman S.* An Interpretation of Max Weber's Theory of Law: Metaphysics, Economics, and the Iron Cage of Constitutional Law // *Law & Social Inquiry*. 1991. Vol. 16. P. 205–248; *Trubek D.* Reconstructing Max Weber's Sociology of Law // *Stanford Law Review*. 1985. Vol. 37. P. 919–936. Энтони Кронмен отмечал озабоченность Вебера тем, что избыточная бюрократизация и зависимость от специалистов по юриспруденции, присущие современному праву, ведут к утрате личной независимости («железная клетка» современности). См.: *Kronman A.* Weber. Stanford, 1983. P. 174–175.

⁵⁶ *Kahn P. W.* Freedom, Autonomy, and the Cultural Study of Law // *Yale Journal of Law & the Humanities*. 2001. Vol. 13. P. 149–150; *Idem.* The Cultural Study of Law: Reconstructing Legal Scholarship. Chicago, 1999; *Moore S. F.* Law as Process: An Anthropological Approach. Abington, 1978; *Breen M.* Law, City, and King: Legal Culture, Municipal Politics, and State Formation in Early Modern Dijon. Rochester, 2007; см. также работы, перечисленные в: *Burbank J.* Russian peasants. P. 5–10. О применении права с целью разжигания и продления социальных конфликтов см. также: *Turk A. T.* Law as a Weapon in Social Conflict // *Social Problems*. 1976. Vol. 23. P. 276–291; *Smail D. L.* The Consumption of Justice: Emotions, Publicity, and Legal Culture in Marseille, 1264–1423. Ithaca, 2003.

⁵⁷ *Thompson E. P.* Whig and Hunters: The Origin of the Black Act. London, 1975. P. 258–269, особ. п. 263; см. также: *Cole D.*

служила полем боя между конкурирующими интересами. Тем не менее она оставалась достаточно целостной для того, чтобы время от времени карать коррумпированных чиновников или спасать несправедливо обвиняемых крепостных крестьян, еще до реформы 1864 года выполняя – пусть и несовершенно – не только практическую, но и идеологическую функцию.

Государство и право

Автор изданного в 1827 году путеводителя по Москве с гордостью описывал «огромн[ый]... прекрасный новейшей Архитектуры дом», в котором располагались городские и губернские присутственные места. Он был расположен на видном месте поблизости от Кремля и Красной площади, справа от Воскресенских ворот, на месте всем известного здания городской думы. Это здание (см. ил. 6.2 на с. 367) изначально было монетным двором XVII века, приспособленным под размещение официальных учреждений при Екатерине II и получившим свой окончательный облик в стиле классицизма после перестройки, законченной в 1820 году⁵⁸. Довольно характерным для общего состояния российского бюрократического мира был резкий контраст между изящным внешним видом здания и царившей внутри него скученностью и суетой: оно было разделено на сотни крохотных кабинетов, лестниц и коридоров, а часть его левого крыла занимала долговая тюрьма. В путеводителе перечислялись все учреждения, расположенные в здании: помимо судов здесь находились такие важные губернские и городские институции, как городская дума, управа благочиния, дворянская опека, казенная палата и губернское правление, – а затем не без иронии отмечалось: «Каждому из читателей наших думаю неизвестно чем какое присутственное место заведывает»⁵⁹. В Москве имелось несколько других важных административных зданий, включая Опекунский совет Императорского воспитательного дома на Солянке (построено в 1825 году), здание Сената в Кремле (1788) и 17 полицейских частей, разбросанных по городу. У каждого из двух главных городских должностных лиц, генерал-губернатора и обер-полицмейстера, имелось по просторной резиденции в центре города, где они работали и принимали посетителей и просителей.

Читатели путеводителя – несомненно, в большинстве своем люди достаточно обеспеченные – едва ли могли избежать посещения этих зданий, либо лично, либо через посредника, при решении многочисленных дел и вопросов, занимавших раннеиндустриальное государство и его подданных, шла ли речь о регистрации долговой сделки, просьбе о взыскании полицией денег с должника, о покупке гербовой бумаги, требовавшейся для составления официальных актов, или о судебной тяжбе. Подобно этому архитектурному ландшафту, юридические и административные рамки Российской империи, вкратце очерченные в таблицах 0.1 и 0.2, в основном были заданы «Учреждениями для управления губерний», изданными в 1775 году Екатериной II, но в конечном счете они основывались на личной власти царя и на этосе государственной службы, восходивших корнями еще к Московскому царству.

Петр I учредил Правительствующий сенат как высший административный орган империи, но в середине XIX века он главным образом играл роль высшего апелляционного суда. Другой важной петровской инновацией была замена московской системы чинов Табелью о рангах (воспроизведена в Приложении Б), согласно которой все чиновники и офицеры делились на 14 классов и юридически отделялись от низших «служителей» – таких, как унтер-офицеры и канцелярские служащие. Табель о рангах обеспечивала автоматическое вступление в ряды личного, а потенциально и потомственного дворянства; кроме того, она упрощала определение позиции должностного лица в служебной иерархии⁶⁰.

⁵⁸ В 1889 г. на его месте было построено нынешнее здание Московской городской думы в псевдорусском стиле, которое после 1917 г. стало Музеем Ленина (ныне Музей Отечественной войны 1812 г. – *Прим. пер.*): *Сытин П. В.* Из истории московских улиц. М., 1958. С. 159.

⁵⁹ Москва или исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского. Т. 2. М., 1827. С. 330–332. Выражаю благодарность за эту ссылку Н. С. Датиевой.

⁶⁰ *Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century* / Eds. W. Pintner, D. K. Rowney. Chapel Hill, 1980.

В первую очередь екатерининское законодательство предусматривало единообразную систему губернского управления, согласно которой вся империя делилась на губернии, первоначально имевшие одинаковую численность населения и более или менее соответствовавшие областям современной России. Местную иерархию возглавлял гражданский губернатор, причем в некоторые особо важные губернии, включая Санкт-Петербургскую и Московскую, также назначался более высокопоставленный военный генерал-губернатор. Полномочия губернаторов в начале XIX века постепенно расширялись, и потому в законе 1837 года губернатор назывался «хозяином губернии». Их полномочия включали право изгонять из губернии нежелательных лиц, таких как мошенники и «ростовщики», контролировать работу полиции, занимавшейся взысканием долгов и проводившей уголовные расследования, и осуществлять ограниченный набор судебных функций. Хотя в художественной литературе губернаторы изображались местными тиранами, архивные изыскания показывают, что их возможности были ограничены в некоторых отношениях – не только из-за наличия присматривавших за ними чиновников тайной полиции, но главным образом из-за необходимости ладить с местными элитами⁶¹.

Таблица 0.1. Российская судебная система до реформы 1864 года

<i>Уровень</i>	<i>Институт</i>	<i>Дата основания</i>	<i>Основная функция</i>
Центральный	Император		Издание законов и указов, принятие прошений, помилование
	Государственный совет	1801	Законодательство; истолкование законов
	Правительствующий сенат	1711	Апелляционный суд
	Третье отделение Собственной Е. И. В. канцелярии	1826	Специальные расследования по гражданским и уголовным делам
Губернский	Губернские палаты гражданского и уголовного суда	1775	Внесословные апелляционные суды первой инстанции; разбор особых дел
	Совестные суды	1775	Дела о несовершеннолетних; тяжбы между родителями и детьми
	Коммерческие суды	1808–1833	Дела о банкротстве; коммерческие тяжбы
Местный	Уездные суды, магистраты, надворные суды	1775	Сословные суды первой инстанции

⁶¹ Robbins R. Tsar's Viceroy: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca, 1987; Schattenberg S. Die korrupte Provinz? Russische Beamte im 19. Jahrhundert. Frankfurt, 2008; Evtuhov C. Portrait of a Russian Province.

Таблица 0.2. Загруженность судов в 1858 году^а

Суд	Уголовные дела	Гражданские дела
Суды первой инстанции	137 950	143 194
Губернские палаты	62 407	108 866
Совестные		1 639
Коммерческие (вкл. дела о банкротстве)	н/д	4 219 (394)
Сенат	3 643	17 449
Совместные заседания Сената	66	404
Государственный совет		26
Министерство юстиции	2 328	2 589
Всего	251 568	232 864

а. Учтены все дела, разбиравшиеся судами, даже если они не были закрыты в течение года. Не учитываются административные и распорядительные разбирательства. *Источник данных:* Журнал Министерства юстиции. 1860. № 4. С. 24–33.

Значение имели и формальные ограничения власти губернаторов, особенно в том, что касалось судебных институтов. До реформы 1864 года отправлением правосудия занимались главным образом губернские палаты гражданского и уголовного суда – всесословные суды второй инстанции, в которых служили опытные юристы. Председателей этих судов утверждал лично император, отбирая их из числа кандидатов, предложенных Сенатом, хотя в XIX веке кандидатов в большинстве губерний выбирало дворянство. Товарищей председателей выбирал министр юстиции, а заседателей выбирали дворянство и губернские городские общества (по два от тех и других)⁶².

Несмотря на то что полиция и административные органы, подчиненные министру внутренних дел, лучше финансировались, имели более крупный штат и были более влиятельными, чем суды, все равно было бы сильным преувеличением утверждать, что до 1864 года судебные и исполнительные функции в России полностью сливались и что по этой причине в России до 1864 года не существовало настоящей судебной системы. Помимо судебных палат, в губерниях имелось несколько дополнительных судов: коммерческие, совестные, словесные и сиротские. Особое значение имели коммерческие суды, поскольку они отвечали за коммерческие тяжбы и надзор над процедурами банкротства купцов. Официально они были приравнены к судебным палатам, несмотря на их меньшую загруженность и относительно узкую юрисдикцию. Кроме того, в число губернских учреждений входили различные выборные органы, позволявшие местным элитам принимать по крайней мере ограниченное участие в управлении страной.

Наконец, судебные палаты контролировали и проверяли работу судов первой инстанции, юрисдикция которых разделялась в соответствии с российской системой сословий: в уездных судах рассматривались дела с участием дворян и крестьян, юрисдикция магистратов распространялась на купцов и мещан, а в компетенцию надворных судов, действовавших в обеих столицах, входили дела с участием офицеров и чиновников, не имевших там собственности, и разночинцев (то есть лиц, не принадлежащих ни к одному из сословий). Помимо этих судов, в каждом уезде имела своя собственная административная система. Эта судебная иерархия

⁶² Троица К. История судебных учреждений в России. СПб., 1851; СЗ. Т. 2. Ч. 1. № 2376, 2434 (1857).

существовала до тех пор, пока в ходе реформ 1860-х годов не открылись новые суды и не произошло резкого расширения местного выборного компонента, но в прочих отношениях эти административные рамки существовали до 1917 года.

Александр I (1801–1825) дополнил екатерининскую систему местного управления двумя важными центральными институтами: он учредил Государственный совет (1810) в качестве высшего законодательного органа, причем ему была вменена еще и функция по сути конституционного суда: он разбирал такие апелляционные прошения, решение по которым зависело от интерпретации того или иного закона или указа. Кроме того, в число министерств, созданных в 1802 году, входило и Министерство юстиции, которому был поручен надзор за всеми судами империи, за исключением церковных и военных⁶³.

При Николае I (1825–1855) появилось еще два важных административных нововведения, существенных с точки зрения настоящей работы: прежде всего, было учреждено Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии в качестве «высшего» полицейского органа империи, ответственного лично перед царем. В нем служили главным образом офицеры Корпуса жандармов, и потому как в настоящей работе, так и в большей части существующей литературы термины «Третье отделение» и «жандармы» используются как синонимы. Третье отделение сегодня помнят за его участие в подавлении политического инакомыслия, но по крайней мере до Великих реформ эта служба по сути представляла собой параллельную систему правосудия, имевшую обширные полномочия по расследованию не только политических преступлений, но и особенно важных уголовных дел, а также разбиравшую споры частных лиц по имущественным и семейным делам и по вопросам наследования, попадавшие в сферу ее внимания. Однако Третье отделение не имело права выносить судебные решения, и в случае тяжб частного характера оно могло лишь играть роль посредника⁶⁴.

Второй важной инновацией эпохи Николая I были серьезные усилия по кодификации законов под руководством Михаила Сперанского. Они включали составление Полного собрания законов, принятых после 1649 года, которое издавалось в трех сериях начиная с 1830 года, а также Свода законов Российской империи, содержавшего все законы, действовавшие на тот момент, и вступившего в силу в 1835 году, с последующими переизданиями в 1842 и 1857 годах. Свод законов нередко отказываются считать настоящим «кодексом», поскольку он не претендовал на изложение общих юридических принципов на манер французского Наполеоновского кодекса, но такая точка зрения ошибочна, поскольку Наполеоновский кодекс и сам опирался на существующие юридические традиции и представлял собой компромисс между юридическими принципами старого режима, революционными инновациями и взглядами самого Наполеона⁶⁵.

Свод законов, несмотря на свои недостатки и нередкую казуистику, представлял собой собрание действующих законов, отдельные тома которого содержали нормы материального уголовного и гражданского права и процессуальные правила в дополнение к обширным административным положениям. Судьям при вынесении решений было достаточно ссылаться на Свод законов без упоминания законодательных актов, положенных в его основу. С точки зрения общего контекста XIX века, когда кодификация во многих странах нередко мучительно затягивалась и не доводилась до конца, Свод законов, как и предшествовавшее ему Соборное уложение 1649 года, представлял собой примечательное достижение, отражавшее заинтересованность российских элит в утверждении законности.

⁶³ О бюрократической системе XIX в. см.: Russian Officialdom; *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.

⁶⁴ *Чукарев А. Г.* Тайная полиция России, 1825–1855. М., 2005; *Троцкий И. М.* Третье отделение при Николае I. М., 1930; *Monas S.* The Third Section: Police and Society in Russia under Nicholas I. Cambridge, 1961; *Squire P. S.* The Third Department: The Political Police in the Russia of Nicholas I. Cambridge, 1968.

⁶⁵ *Desan S.* The Family on Trial. P. 283–310.

Наконец, эпохальным событием в истории российского права являлась судебная реформа 1864 года, хотя она затрагивала только судоустройство и судопроизводство, не касаясь норм материального права. Авторитет и престиж судов значительно укрепились, а гражданские и уголовные процедуры упростились благодаря учреждению публичных судебных заседаний с участием присяжных заседателей и профессиональных адвокатов. Были упразднены система формальных доказательств, ограничивавшая возможности судей по оценке доказательств, а также сословные суды первой инстанции. Помимо этого, реформа предусматривала создание системы местных мировых судов для рассмотрения мелких исков и тяжб. Аналогом таких судов для крестьян были волостные суды, учрежденные по реформе 1861 года, отменявшей крепостное право, и находившиеся в ведении самих крестьян. Поскольку юрисдикция этих судов распространялась только на крестьян, а их решения не подлежали обжалованию в обычных судах, учреждение волостных судов неправомерно критиковалось как якобы вызвавшее фрагментацию судебной системы. На самом же деле в них разбирались мелкие дела, которыми не следовало загромождать обычные суды, о какой бы судебной системе ни шла речь. Более того, Джейн Бербанк убедительно показала, что, хотя в их основу и были положены крестьянские «обычаи», это не имело своим следствием какую-либо правовую анархию⁶⁶.

⁶⁶ *Burbank J. Russian Peasants Go to Court.*

Частный кредит и право

Помимо судебной структуры, культуру кредита формировали или, по крайней мере, оказывали на нее сильное влияние два направления государственной политики. Одно из них было тесно связано с попытками правительства поддерживать деление российского общества на сословия. Этот долгосрочный проект включал в себя законы, направленные на создание двух отдельных систем частного кредита – обычной и особой коммерческой – посредством особых правовых форм. Такой подход отражал в себе общую для европейской культуры идею о том, что коммерсанты принимают на себя повышенный финансовый риск, придерживаются особых ценностей, нежели дворяне или крестьяне, и, таким образом, имеют право на особый правовой режим, несмотря на то что две эти правовые и экономические культуры могли временами объединяться и оказывать друг на друга влияние⁶⁷.

В допетровском праве не проводилось формального различия между коммерческими и некоммерческими ссудами. Законную силу имели лишь такие кредитные сделки, которые совершались в присутствии свидетелей и были зарегистрированы в суде или административном учреждении. На практике от заемщиков требовалось предоставить какую-либо собственность в качестве залога или поручительство со стороны третьих лиц⁶⁸. Стараниями западноевропейских купцов, которые к концу XVII века стали чаще посещать Московское государство, в обиход вошли векселя.

Вексельное право было изобретено европейскими банкирами эпохи Ренессанса как средство упрощения торговли на дальние расстояния: вместо того чтобы брать с собой наличность, купец мог оставить ее у банкира, выдававшего взамен документ, в котором просил у банкира из другого города выплатить предъявителю соответствующую денежную сумму⁶⁹. Векселя были удобны тем, что упрощали формальности; например, при сделках с векселями не требовались ни свидетели, ни регистрация⁷⁰. Кроме того, их популярности способствовал более жесткий механизм взыскания: должника, просрочившего выплату по векселю, незамедлительно отправляли в тюрьму, а его имущество продавали, – а также то, что вексель было труднее оспорить в суде, поскольку любая юридически значимая информация записывалась на самом документе и никакие сторонние свидетельства не принимались во внимание⁷¹.

Векселя быстро приобрели популярность в России, хотя по большей части в качестве долговых документов, а не инструментов перемещения денег на большие расстояния⁷². Первый Вексельный устав был принят в 1729 году, во время недолгого царствования Петра II; он был составлен по образцу аналогичных германских уставов и опубликован одновременно на немецком и русском языках⁷³. На практике как местные русские купцы, так и европейские купцы, торговавшие в России, к тому времени уже перешли к использованию векселей для коммерческих кредитных сделок⁷⁴. К концу XVIII века, как показал Джордж Мунро, российские купцы де-факто создали систему краткосрочного коммерческого кредита, основанную на использо-

⁶⁷ *Fontaine L.* The Moral Economy. P. xiii, 6; *Cohen J.* The History of Imprisonment. P. 160; *Новицкая Т. Е.* Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М., 2005. С. 386–387.

⁶⁸ *Захаров В. Н.* Западноевропейские купцы.

⁶⁹ *Шершеневич Г. Ф.* Курс торгового права. Т. 3. М., 2003 (первоначально издано в 1909 г.). С. 24–172; *Мейер Д. И.* Очерк русского вексельного права // Избранные произведения по гражданскому праву. М., 2003 (первоначально издано в 1857 г.). С. 296–379.

⁷⁰ ПСЗ. II серия. Т. 7. № 5462 (Вексельный устав 1832 г., ст. 442).

⁷¹ ПСЗ. Т. 26. № 19692 (1800); *Мейер Д. И.* Очерк русского вексельного права.

⁷² *Барац С. М.* Курс вексельного права. СПб., 1893. С. 676.

⁷³ ПСЗ. Т. 8. № 5410 (1729); *Барац С. М.* Курс вексельного права.

⁷⁴ *Захаров В. Н.* Западные европейские купцы. С. 204–207.

вании векселей⁷⁵. Впоследствии применение векселей стало регулироваться принятым в 1800 году Уставом о банкротах, на смену которому в 1832 году пришел новый полноценный Вексельный устав – на этот раз испытавший на себе сильное французское влияние, – который еще раз подвергся замене в 1903 году⁷⁶. Такое внимание законодателей к этой второстепенной, как обычно считается, сфере права весьма примечательно с учетом того, что основные гражданские и уголовные законы Российской империи обновлялись чрезвычайно редко, если обновлялись вообще.

Как только векселя появились в России, их использование стало считаться особой привилегией купцов, хотя, согласно первоначальному российскому Вексельному уставу 1729 года, это право распространялось на всех лиц, заключавших финансовые сделки с купцами, и потому представитель любого сословия мог выписать купцу вексель или принять таковой от купца. Однако большая доступность векселей вскоре встревожила правительство, и оно постаралось ограничить их обращение, формально с целью защиты дворян и крестьян от чрезмерной задолженности, хотя эта мера не могла серьезно повлиять на хищническое ростовщичество⁷⁷. Ограничения на использование векселей были частью общего и безуспешного политического курса на разграничение финансовых операций дворян и купцов. Например, правительство пыталось не допускать, чтобы дворяне выступали в качестве поручителей за купцов; тем не менее две главные группы собственников активно сотрудничали, взаимно стремясь воспользоваться чужими сословными привилегиями и нередко играя друг для друга роль подставных лиц⁷⁸.

Крестьянам было запрещено выписывать векселя в 1761 году⁷⁹. В соответствии с Уставом о банкротах, принятым Павлом I в 1800 году, этот запрет распространялся и на дворян. В итоге привилегию обязываться векселями в 1832 году получили только лица, прямо перечисленные в Уставе; согласно его редакции от 1857 года, действовавшей и во время Великих реформ, ими были: а) купцы, состоявшие в гильдиях; б) дворяне, состоявшие в купеческих гильдиях; в) иностранные купцы; г) мещане и цеховые обоих столичных городов; д) крестьяне, имеющие торговые свидетельства⁸⁰.

Еще одно ограничение заключалось в том, что замужние женщины и незамужние дочери, не отделенные от родителей – даже если они принадлежали к пяти вышеперечисленным категориям, – не имели права выписывать векселя без разрешения своих мужей или отцов, если только не занимались торговлей от своего лица. Это ограничение женской дееспособности было позаимствовано непосредственно из Наполеоновского кодекса и не соответствовало действовавшему в России режиму раздельной собственности в браке. Как отмечал российский правовед XIX века Габриэль Шершеневич, это ограничение на практике оборачивалось необходимостью выяснять, связан ли конкретный долг с коммерцией и свободна ли данная женщина от опеки. В конце концов, женщина могла быть обладательницей записанной на ее имя крупной собственности, но при этом жить с родителями, а с другой стороны, было невозможно определить, «свободна» ли молодая женщина от имущественной опеки, если ее родители не владели никакой собственностью, которая могла бы быть передана ей. Однако векселя, выписанные лицами, не имевшими законного права выписывать их, не становились от этого недействительными, а просто утрачивали особые свойства, которые они имели согласно Вексельному уставу, и приравнивались к обыкновенным долговым распискам⁸¹.

⁷⁵ Munro G. The Role of the *Veksel*.

⁷⁶ Мейер Д. И. Очерк русского вексельного права. С. 311.

⁷⁷ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 3. С. 36.

⁷⁸ Новицкая Т. Е. Правовое регулирование. С. 385–387; Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874. С. 353–354.

⁷⁹ ПСЗ. Т. 15. № 11204 (1761).

⁸⁰ СЗ. Т. 2. Ч. 2. № 546, примечание (1857) (Устав Вексельный).

⁸¹ Абрамов Я. В. Заем, залог и залог. СПб., 1898. С. 33–34.

В Уставе о банкротах 1800 года также утверждалась отдельная кредитная система для некоммерческих классов, в первую очередь дворян и крестьян, основанная на «заемных письмах»⁸². Они были недействительны в отсутствие свидетелей и регистрации, но эти требования были не такими строгими в случае «домовых» заемных писем в противоположность «крепостным» заемным письмам, которые обеспечивали кредитору дополнительную юридическую защиту⁸³. По закону, заемное письмо не требовало предоставления залога или поручительства, хотя кредиторы, конечно, были вправе требовать того или другого. В Уставе содержались образцы разных типов долговых расписок, но в принципе заемное письмо можно было составить в любой форме, если только в нем присутствовало слово «занимать». Иной образец применялся, когда речь шла о займах, оформленных в «закладной крепости» – или, более знакомой читателям русской литературы в сокращенном виде, «закладной» – на землю: в этом случае требовалось описание закладываемой недвижимости. На практике заемные письма составлялись в соответствии с образцом, приведенным в Уставе: это показывает, что юридические правила и юридические формы в Российской империи отнюдь не являлись чем-то надуманным или излишним; напротив, они были плотно интегрированы в русскую культуру кредита и связанный с ней режим частной собственности.

Однако, несмотря на то что юридические формы оказывали реальное практическое влияние на культуру кредита, это влияние, естественно, отличалось от того, которого добивались законодатели. Формальное юридическое различие между векселями и обычными заемными письмами оставалось расплывчатым. Указы XVIII века аннулировали векселя, выписанные с целью оплаты карточных долгов, и приравнивали векселя, выписанные дворянами, находившимися на государственной службе, к обычным долгам, которые должны были погашаться путем вычетов из жалованья должников, а не путем ареста их собственности⁸⁴.

На практике заемщики также нередко пытались игнорировать правило, запрещавшее им заявлять о «безденежности» векселя – то есть что во время заключения сделки из рук в руки не переходили деньги⁸⁵. Это правило часто вызывало недовольство у заемщиков, когда речь шла о заемных письмах, на которые не распространялись гарантии, действовавшие в отношении векселей. Первый российский специалист по вексельному праву Дмитрий Мейер отмечал, что в середине XIX века даже в некоторых официальных документах все долговые документы назывались векселями. Однако ни в одном из судебных и административных дел, рассматриваемых в настоящей работе, мы не столкнемся с такой путаницей. В целом не исключено, что повышенные требования в отношении регистрации заемных писем время от времени не позволяли какому-нибудь беспутному дворянину спустить свое состояние одним росчерком пера. Впрочем, в случае профессионального или хищнического кредитования заимодавцы были хорошо знакомы с требованиями закона и их не могло смутить использование какого-нибудь другого типа долгового документа. При необходимости у них находились нотариусы и свидетели, готовые оказать содействие при заключении сделки. Что касается некоммерческих займов в тех случаях, когда у заемщиков имелись достаточные причины искать кредита за пределами обычного круга родственников и друзей, усложнение необходимых юридических процедур едва ли могло заставить их отказаться от займа.

Ограничения на использование векселей в целом были сняты с принятием закона от 3 декабря 1862 года, распространявшего право выписывать векселя на всех лиц за исключением

⁸² См., например, различие между заемными письмами и закладными в: ПСЗ. Т. 22. № 16460 (1786).

⁸³ ПСЗ. Т. 26. № 19692 (1800). Эти правила были заменены в 1832 г. различными положениями, содержащимися в т. 10 и 11 Свода законов, но в основе своей сохраняли силу (с некоторыми поправками) до конца имперского периода.

⁸⁴ Новицкая Т. Е. Правовое регулирование. С. 438–439.

⁸⁵ Мейер Д. И. Очерк русского вексельного права. С. 312. См. также: ПСЗ. Т. 23. № 16851 (1790). Сенаторы не были с этим согласны, и тогда Екатерина II запретила взыскивать долги по «безденежным» векселям. В данном случае и держатель векселя, и первоначальные заимодавцы признавали, что в реальности никто никому не выдавал денег.

духовенства, нижних военных чинов и – что существенно – крестьян, не имевших записанной на них земельной собственности, если только они не имели свидетельства на право торговли⁸⁶. После 1862 года заемные письма постепенно вышли из употребления, особенно после того, как к концу десятилетия в главных губерниях Российской империи закрылись дореформенные суды, где их раньше было принято регистрировать⁸⁷.

На практике вексельная реформа была выгодна в первую очередь дворянам, которые в то время как раз теряли своих крепостных, и закон 1862 года следует рассматривать как побочный продукт освобождения крестьян, представляющий собой попытку дать дворянству возможность улучшить свое финансовое положение посредством займов. Кроме того, этот закон сделал кредит более доступным для наиболее богатых и самых предприимчивых крестьян. Дальнейшая либерализация вексельного права произошла в 1875 году, когда даже солдатам разрешили выписывать векселя в рамках проекта Милютин по созданию армии на основе всеобщей воинской повинности (то есть подразумевалось, что солдаты после прохождения службы возвращались к своей прежней жизни); в 1906 году право выписывать векселя было предоставлено всем крестьянам. Однако ограничения, распространявшиеся на женщин и духовенство, оставались в силе вплоть до крушения империи⁸⁸.

Эти изменения вексельного права способствовали либерализации российского частного кредита и, соответственно, режима собственности в целом, и потому следует признать, что это был важный и самостоятельный, хотя и малоизвестный аспект Великих реформ. Большинство представителей высших и средних классов в итоге получили возможность делать займы без особых формальностей и безотносительно своей репутации и имущественного положения. Как ни странно, на практике эта реформа, судя по всему, поставила российскую кредитную систему в еще большую зависимость от личных связей и доверия: пусть векселя, выписанные уважаемыми купцами, по-прежнему находились в обращении наравне с наличностью, но теперь, когда почти любой мог выписать вексель, простым людям все равно нужно было очень постараться, чтобы найти кредитора, готового выдать им необеспеченный заем.

Вторым важным направлением государственной политики, призванным формировать кредитные отношения в Российской империи, являлось создание сменявших друг друга государственных банков, предлагавших намного более дешевые займы по сравнению с частным рынком. Первый из таких банков был основан в 1754 году в порядке содействия дворянству, владевшему крепостными, а фактически – его подкупа. Эффективность его работы была ограниченной, поскольку выдававшиеся им деньги по большей части доставались узкой группе придворных, близких к Петру Шувалову, фавориту императрицы Елизаветы. Объем операций этого банка был небольшим вплоть до начала XIX века⁸⁹.

При Екатерине II финансовая поддержка дворянства была поставлена на более надежную основу благодаря созданию нескольких учреждений, выдававших денежные займы под залог крепостных «душ» по установленной законом низкой ставке в 5 или 6 % годовых. Самыми важными из них были Московский и Петербургский воспитательные дома; в середине XIX века на них приходилось почти 90 % всех государственных займов, выданных дворянству. При каждом из них функционировала Сохранная казна под управлением Опекунского совета⁹⁰. Займы, выдававшиеся Опекунским советом начиная с 1775 года, первоначально ограничивались суммой 5 тыс. рублей (хотя это была очень солидная сумма для всех, кроме самых богатых дворян) и подлежали погашению в течение пяти лет, что гарантировало платежеспособность Совета

⁸⁶ ПСЗ. 2 серия. Т. 37. № 38993.

⁸⁷ *Абрамов Я. В.* Заем, залог и залог. С. 13.

⁸⁸ *Шершневич Г. Ф.* Курс торгового права. Т. 3. С. 61–64.

⁸⁹ *Буров А. В.* Очерки. С. 50–51, 140–141; ПСЗ. Т. 15. № 11581 (1762).

⁹⁰ *Филлимонов Д.* Кредитные учреждения Московского воспитательного дома // РА. 1876. № 14. С. 265–275. Далее в тексте это учреждение будет называться Опекунским советом или Советом по обычаю того времени.

и не позволило высшей аристократии в короткое время полностью разобрать его капиталы. В первой половине XIX века условия выдачи займов постепенно либерализовались: срок погашения в 1819 году был увеличен до 12 лет, в 1824 году – до 24 лет и, наконец, в 1830-м – до 26 и 37 лет⁹¹. Ненаселенные земли и жилые дома тоже могли быть заложены, но за меньшие суммы.

Таблица 0.3. Займы, выданные московским Опекунским советом владельцам крепостных (в серебряных рублях)

Год	1852	1854	1856	1858
Сумма	14 566 216,64	9 716 892	8 597 904	16 719 290

Источник данных: ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. (далее – ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г.). Ф. 424. Оп. 1. Д. 2081 (1852), 2083 (1854), 2085 (1856), 2087 (1858).

Развитие государственных кредитных учреждений достигло апогея в годы правления Николая I (1825–1855), когда они начали в неограниченном размере принимать вклады по щедрой ставке 4 %, на которые могли быть начислены сложные проценты. Максимальный размер займа был резко поднят с первоначальных 10 рублей за крепостную душу до 150–200 рублей, в зависимости от ценности имения.

В таблице 0.3 приведены общие объемы займов под залог крепостных, выданных московским Опекунским советом в 1850-х годах, до того как выдача таких займов прекратилась в 1859 году. Общий кредитный портфель московского Опекунского совета достиг в 1855 году 192,2 млн рублей, что составляло почти половину государственных кредитных операций. За петербургским Опекунским советом числилось выданных займов на 133,4 млн рублей и еще на 30,1 млн рублей – за петербургским Заемным банком, обслуживавшим высшую придворную аристократию. Задолженность перед всеми губернскими Приказами общественного призрения составляла 42,4 млн рублей. К 1859 году, когда банковский кризис вынудил правительство отказаться от выдачи таких займов, долг, накопленный дворянством, достиг 425,5 млн рублей, а обеспечением по нему служило 66 % всех крепостных, находившихся во владении у частных лиц. (В 1855 году общий объем задолженности составлял 398,2 млн рублей.)⁹² Среднюю сумму займов, выдававшихся ежегодно, оценить трудно, но средний ежегодный прирост дворянского долга государству в 1823–1859 годах составлял 9,3 млн рублей⁹³. Этот средний прирост был меньше суммы новых займов, выданных в 1850-х годах одним лишь московским Опекунским советом, из чего следует, что дворяне, заложив большую часть крепостных, подходивших для этой операции, продолжали брать займы вплоть до закрытия государственных банков в 1859 году, выплачивая долги частично, а затем перезакладывая свои имения.

На финансовый успех государственных банков работал их привилегированный правовой статус. Выданные ими займы имели приоритет над всеми прочими долгами и обязательствами. Даже в тех случаях, когда должник исправно вносил платежи, за Опекунским советом сохранялось значительное право контроля над заложенной собственностью. Заемщики не могли закладывать лишь часть своих крепостных; они должны были закладывать целые имения, которые Совет мог бы без затруднений перепродать в случае неуплаты. Полиция и суды не имели права

⁹¹ Филимонов Д. Кредитные учреждения. С. 269–270.

⁹² Скребицкий А. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Т. 4. Бонн, 1868. С. 1244–1249; Тройницкий Н. Крепостное население России по 10-й народной переписи. СПб., 1861. В данные по Заемному банку, приводящиеся у Тройницкого, не включены необеспеченные займы (335 млн рублей в 1855 г.). См.: Кауфман И. И. Статистика русских банков. Ч. 1 (Статистический временник Российской империи. Сер. 2. Вып. 9). СПб., 1872. С. 3. См. также: Blum J. Lord and Peasant. P. 379–385. Б. Г. Литвак утверждает, что российские землевладельцы в ходе сбора статистических сведений часто преувеличивали свою задолженность. См.: Литвак Б. Г. Русская деревня. С. 380–383.

⁹³ Боровой С. Я. Кредит и банки. С. 197–198 (долг вырос с 90 млн рублей в 1823 г. до 425 млн рублей в 1859 г.).

предпринимать какие-либо действия по отношению к заложенной собственности без одобрения со стороны Совета, включая и перевод крестьян в другое имение. Если имение неплательщика шло с молотка и при этом оказывалось, что оно имеет меньшую площадь или меньшее число крепостных, чем изначально декларировалось, Совет взыскивал разницу с заемщика, а если тот был неплатежеспособным, то с должностных лиц и государственных учреждений, позволивших этому случиться. Судиться с Опекунским советом или оспаривать его решения было практически невозможно⁹⁴.

Залогом успеха служило и эффективное управление. Государственные банки XIX века строго требовали регулярных платежей, несмотря на то что дворянам позволялось «перезакладывать» имения – то есть получать новые займы под залог той части имения, которая была «выкуплена» путем погашения долга. Более того, вместо продажи собственности неплательщиков государственные банки предпочитали производить опись имений, назначать своих управляющих и собирать доход до тех пор, пока долг не будет погашен⁹⁵. Например, в 1856 году в Симбирской губернии из 800 заложенных имений 33 было описано, 14 действительно изъято у их владельцев и лишь одно продано; в 1860 году из 897 заложенных имений было описано 119, изъято 109 и проданы два⁹⁶. В Рязанской губернии в 1857 году из 2554 заложенных имений было описано, изъято или продано 194⁹⁷.

Несомненно, землевладельцы, имевшие соответствующие связи, могли повлиять на Совет и заставить его пренебречь правилами, но в отношении типичных помещиков все указывает на обратное. Более того, представляется, что небольшое число имений, пошедших с молотка, объясняется не какими-либо сложностями процедуры взыскания по займам в Совете, а сложностью поиска покупателей на собственность банкротов. Как будет показано ниже, по крайней мере московский Опекунский совет получал хорошую прибыль по своим ссудам, выданным под залог собственности. Продажа с аукциона представляла собой крайнюю меру, чем и объясняется ее редкость.

Судебные дела иллюстрируют обстоятельства, приводившие к продаже имений Опекунским советом. Так, имение коллежского секретаря Петра Зубова – приблизительно 3 тыс. крепостных в Арзамасском и Макарьевском уездах Нижегородской губернии – на протяжении нескольких поколений находилось в крайне неблагоприятном финансовом состоянии. Тем не менее Совет в течение многих лет довольствовался тем, что держал там своего управляющего, считая Зубова законным владельцем⁹⁸. Андрей Чихачев, средней руки помещик из Владимирской губернии, в статье для «Земледельческой газеты» сетовал на сильную задолженность провинциальных душевладельцев, отмечая, что многие имения взяты в опеку, но не упоминал о реальной продаже имений с аукционов. Алексей Галахов в своих мемуарах вспоминал панику, охватившую задолжавших провинциальных помещиков, когда они получали еженедельную почту. В то же время он отмечал, что большинству из них удавалось или договориться с властями, или получать частные займы, чтобы сохранить свои имения⁹⁹.

Таким образом, к середине XIX века государственные банки – из которых четырем крупнейшими были Заемный банк, Коммерческий банк и петербургский и московский Опекунские советы – накопили вкладов почти на 1 млрд рублей, что было в ту эпоху астрономической суммой: ее могло хватить, чтобы финансировать бюджет империи в течение нескольких

⁹⁴ Собрание правил Сохранной и Ссудной казны при Московском и С. Петербургском Императорских воспитательных домах. СПб., 1847.

⁹⁵ Бугров А. В. Очерки. С. 135.

⁹⁶ Материалы для географии и статистики России. Симбирская губерния. Ч. 1. СПб., 1868. С. 502.

⁹⁷ Материалы для географии и статистики России. Рязанская губерния. СПб., 1860. С. 235.

⁹⁸ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 92. Оп. 6. Д. 746 (Зубов).

⁹⁹ Чихачев А. И. О долгах // Земледельческая газета. 06.09.1846 (выражаю благодарность за эту ссылку Кэтрин Пикеринг Антоновой); Галахов А. Д. Записки человека. М., 1999. С. 25.

лет¹⁰⁰. Как полагал советский историк Иосиф Гиндин, эти средства можно было бы вкладывать в развитие российской экономики более продуктивно. Вместо этого значительная доля этой суммы использовалась для покрытия бюджетного дефицита, а относительно небольшая часть инвестировалась в дополнительные займы дворянам-крепостникам. Однако Гиндин не соби-рался преувеличивать отсталость России: в то время как крупные акционерные депозитарные банки появились в США и Великобритании в 1830-х годах, во Франции, Австрии, Германии и Италии такие банки начали возникать лишь в конце 1840-х и начале 1850-х годов, то есть приблизительно за 10 лет до их появления в России¹⁰¹. Мемуарист Иван Пушечников, консервативный помещик из Орловской губернии, считал, что Опекунский совет, помимо его основ-ной филантропической деятельности, «был самый благодетельный посредник между вкладчи-ками и заемщиками»¹⁰². Это противоречит позднеимперской и советской марксистской точке зрения, согласно которой дореформенная государственная политика вела к своего рода закре-пощению капитала, а эти банки по сути были «феодальными» институтами¹⁰³. Банки, выда-вавшие ссуды под залог недвижимости, действительно по большей части обслуживали дворян-ство, но отнюдь не ясно, почему мы должны считать аномалией или признаком отсталости то, что элиты пользовались финансовыми и прочими экономическими благами.

Большинству же владельцев собственности в России, у которого или не имелось крепост-ных вообще, или их число было незначительно, от государственных банков не было особой пользы¹⁰⁴. Тем не менее предоставляемые этими банками блага распространялись на более широкие слои населения, чем готовы признать иные историки: более того, само различие между государственным и частным кредитованием было не вполне четким. Средства, ссу-жавшиеся владельцам крепостных, далее нередко оказывались внутри сети частного кредита, будучи переданными другим лицам под более высокие проценты. Что еще более интересно, некоторые владельцы крепостных тут же помещали полученные займы в те же самые государ-ственные банки по ставке 4 %, а затем использовали свои вкладные билеты, находившиеся в обращении подобно наличности, для выдачи частных займов и получения дополнительных процентов¹⁰⁵. Более того, несмотря на нежелание Коммерческого банка выдавать рискованные займы предпринимателям, он все же способствовал экономическому развитию страны, скупая («учитывая») коммерческие долговые документы и тем самым поддерживая систему коммер-ческого кредита.

В 1859 году система государственных банков была ликвидирована. Формально это про-изошло потому, что после Крымской войны в обращении находилось слишком много налич-ности при нехватке потенциальных заемщиков; обслуживать разбухшую массу вкладов стало слишком дорого, из-за чего государство было вынуждено снизить процентные ставки. Как пишет Стивен Хок, это вызвало набег на банки и их финансовый крах¹⁰⁶. Мемуаристы с горе-чью вспоминали это событие. Пушечников считал, что это было «не только дело безрассудное, но святотатственное, и самый отъявленный враг России не решился бы посягнуть на такое вар-варство». По его мнению, в распоряжении у государства находилось такое ценное обеспечение,

¹⁰⁰ Гиндин И. Ф. Банки. С. 505–507.

¹⁰¹ Там же. С. 465–467.

¹⁰² Пушечников И. В. Заметки старожила Елецкого уезда. С 1842 по 1872 г. // РА. 1905. № 117. С. 599.

¹⁰³ Кауфман И. И. Государственные долги России // Вестник Европы. 1885. Т. 20. № 1. С. 184–218; № 2. С. 572–618; Бугров А. В. Очерки. С. 32.

¹⁰⁴ Более 88 % государственных займов было выдано землевладельцам, имевшим более 100 крепостных: Литвак Б. Г. Русская деревня. С. 383.

¹⁰⁵ Боровой С. Я. Кредит и банки. Особ. с. 206–207, 235–240.

¹⁰⁶ Hoch S. The Banking Crisis, Peasant Reform, and Economic Development in Russia, 1857–1861 // The American Historical Review. 1991. Vol. 96. P. 795–820; Бугров А. В. Очерки; Морозан В. В. История банковского дела.

что оно легко могло справиться с кризисом, заняв средства в Европе¹⁰⁷. Намекали также, что этот банковский крах представлял собой завуалированный способ заставить душевладельцев примириться с неминуемым освобождением крестьян¹⁰⁸. Как отмечал Сеймур Беккер, государственные ипотечные банки для дворянства возродились к концу XIX века и успешно работали, несмотря на то что их инвестиции были намного более рискованными¹⁰⁹.

Государственные банки были созданы для того, чтобы удешевить частный кредит для привилегированных владельцев собственности: в первую очередь владельцев крепостных, но также и купцов. Кроме того, эти банки являлись уникальными площадками, где пересекались государственный и частный кредит и финансы – хотя этот аспект их деятельности до сих пор плохо изучен. Несмотря на все свои беспрецедентные полномочия по взысканию долгов и воздействию на должников, по большей части в обход судебной системы, банки и государственная политика в целом оставляли частным лицам поразительно широкую свободу действий. Например, заемщик был вправе как угодно распоряжаться деньгами, полученными в займы от государственного банка. По сравнению с государственной кредитной системой частные кредиторы предъявляли к заемщикам еще меньше требований; важнее всего то, что не существовало никаких ограничений – например, лицензирования или регистрации – в отношении тех, кто мог заниматься выдачей займов, следствием чего была полная финансовая свобода в мире «ростовщиков», как мы увидим в следующей главе.

¹⁰⁷ Пушечников И. В. Заметки. С. 599.

¹⁰⁸ Никифоров Д. И. Москва в царствование императора Александра II. М., 1904. С. 48–49, 127.

¹⁰⁹ Becker S. Nobility and Privilege. P. 78–79.

Часть I. Культура долга

Ил. 1.1. И. М. Прянишников. Шутники. Гостиный двор в Москве (1865). Государственная Третьяковская галерея

Важнейшие участники сети частного кредита середины XIX века: московские купцы, приказчики, отставной чиновник. Кредитные связи в эпоху Великих реформ основывались на смещении традиционных сословных иерархий, запечатленном на известном полотне И. М. Прянишникова. Паясничающий и, вероятно, выпивший чиновник забавляет формально нижестоящих представителей торговых классов, с которыми, судя по одноименной пьесе А. Н. Островского, он мог быть связан долговыми, коммерческими и правовыми отношениями.

Глава 1. Ростовщики в литературе и в жизни

Это была крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая. Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом. На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было наверхено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтевшая меховая кацавейка. Старушонка поминутно кашляла и кряхтела¹¹⁰.

Разумеется, речь здесь идет об Алене Ивановне, вымышленной процентщице из «Преступления и наказания». По отзывам о ней студентов университета и молодых армейских офицеров, входивших в число ее клиентов, она была способна «сразу пять тысяч выдать... [хотя] и рублевым залогом не брезгает»¹¹¹. Самой поразительной чертой культурного стереотипа, изображенного Достоевским, была не столько жалкая внешность Алены Ивановны или ее злобность, сколько ее социальная маргинализация, преувеличенная до карикатурности. Про ее социальные взаимодействия известно лишь то, что она укусила свою сводную сестру Лизавету; все ее клиенты изображаются такими же паразитами, как и она сама, а ее деньги не должны были достаться обществу даже после ее смерти, будучи завещанными отдаленному монастырю¹¹². Можно вспомнить и Грушеньку, роковую женщину из последнего великого романа Достоевского «Братья Карамазовы»:

Знали еще, что [эта] молодая особа, особенно в последний год, пустилась в то, что называется «гешефтом», и что с этой стороны она оказалась с чрезвычайными способностями, так что под конец многие прозвали ее существо жидовкой. Не то, чтоб она давала деньги в рост, но известно было, например, что в компании с Федором Павловичем Карамазовым она некоторое время действительно занималась скупкою векселей за бесценок, по гривеннику за рубль, а потом приобрела на иных из этих векселей по рублю на гривенник¹¹³.

В глазах первых читателей Достоевского этот абзац иллюстрировал моральную ущербность и Грушеньки, и Федора Карамазова, которому суждено было вскоре быть убитым, поскольку люди, скупавшие безнадежные долги, а затем пользовавшиеся хорошим знанием юридических процедур для их взыскания, были известны как «дисконтёры» (поскольку они дисконтировали долговые документы, приобретая их у первоначальных заимодавцев по цене ниже номинальной) и считались «самым алчным и грабительским» типом ростовщиков¹¹⁴.

Реальных российских ростовщиков и процентчиков, в противоположность их знаменитым вымышленным коллегам, почти никогда не обсуждали в печати и не вспоминали в мемуарах, даже когда их убивали. Даже в работах позднеимперского периода о сельском ростовщичестве – книгах Романа Циммермана (Гвоздева) и Георгия Сазонова – приводятся подробные сведения о кредитных сетях и практиках кредитования, но почти ничего не говорится о заимодавцах как о людях, а не как об абстрактных экономических деятелях. Согласно этим авторам, к богатым крестьянам-заимодавцам («кулакам») их община относилась враждебно, хотя

¹¹⁰ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 1970. С. 10.

¹¹¹ Там же. С. 54.

¹¹² Неизвестно, знал ли Достоевский, что русские монастыри эпохи раннего Нового времени были крупными заимодавцами.

¹¹³ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. М., 1958. С. 429; см. также: Т. 10. С. 238 (Федор Карамазов был «прежде всего ростовщик»).

¹¹⁴ Михневич В. О. Язвы Петербурга. СПб., 1886. С. 282.

из их же слов выходит, что любой крестьянин с готовностью стал бы кулаком при возможности. Между прочим, то же относится и к историям кредита в Западной Европе и Северной Америке, написанным исключительно с точки зрения должников¹¹⁵.

Сходным образом и Карл Маркс, чьи работы послужили руководством для многочисленных исследований советских историков на тему «ростовщичества», приравнивал частное неформальное кредитование к архаическому «ростовщичеству», которое он интерпретировал как хищническое и непродуктивное и потому недостойное подробного анализа, оставляя для него лишь роль фона, на котором происходило становление современной капиталистической банковской системы. Данные, приводящиеся в немногих советских исследованиях «ростовщичества» в России раннего Нового времени и Петровской эпохи, не вполне соответствуют этой теории, показывая, что, хотя кредит порой мог быть очень дорогим и даже носить эксплуататорский характер, кредитные связи пронизывали все социальные слои, а частное кредитование нельзя назвать однозначно или преимущественно хищническим, архаичным или служившим для финансирования главным образом расточительного потребления¹¹⁶.

Займодавцы XIX века тоже были самыми разными людьми: от богатейших аристократов до неграмотных крестьян-процентчиков и от множества разовых инвесторов до отдельных лиц, которых можно назвать профессиональными ростовщиками. Последнюю группу, занимающуюся рискованным кредитованием, выделить так же трудно, как и установить взимаемые ею проценты. Более того, даже «профессиональные» займодавцы по-прежнему делали ставку не на враждебность к миру и отчуждение от него в духе Алены Ивановны, а на успешную интеграцию в существующие сети родственных, служебных и соседских связей. Подобно пестрому слою предпринимателей, прокладывавших путь к капиталистическому преобразованию России, или юристам, готовившим правовую реформу, эти люди, вынужденные подстраиваться под ситуацию в отсутствие крупных банков, готовили почву для российской финансовой революции, начавшейся в 1860-х годах.

Не менее важно и то, что займодавцы полагались на свое знание законов и правил судопроизводства. Уровень их юридических знаний и навыков был разным, но почти всегда выходило так, что законы, ограничивавшие величину процентной ставки, за редкими исключениями оказывались практически неприменимыми¹¹⁷. Государственная политика защиты частной собственности и поддержки элит, владевших ею, требовала безопасности сделок в сфере частного права, включая займы и залог недвижимости, даже несмотря на то что реальные процентные ставки превосходили установленный законом предел. Это противоречие представляло опасность для действенности правовых норм и авторитета чиновников, что вызывало у последних немалое беспокойство. Губернаторам, полиции и юристам приходилось выяснять, было ли возможно эффективно регулировать частный кредит, а если да, то с каких мер им следовало начать. Например, как им следовало собирать необходимые сведения и оправдывать свое вмешательство с юридической, политической и моральной точки зрения? Губернаторы с их обширными полицейскими полномочиями и чиновники Третьего отделения, имевшего широкие полномочия по надзору и контролю над общественной нравственностью в период своего существования в 1826–1879 годах, при всей своей занятости находили время на исследование

¹¹⁵ Циммерман Р. Е. Кулачество-ростовщичество. СПб., 1898; Сазонов Г. П. Ростовщичество-кулачество. СПб., 1894. Даже книга Чарльза Гейста о ростовщичестве написана с абстрактной точки зрения критиков-интеллектуалов и государственной политики: *Geisst C. Beggars Thy Neighbor*.

¹¹⁶ Павленко Н. И. О ростовщичестве дворян в XVIII в. (к постановке вопроса) // Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII вв. / Ред. Н. И. Павленко. М., 1975. С. 265–272; Голикова Н. Б. Ростовщичество в России; Тарловская В. Р. Ростовщические операции московских купцов и торговых крестьян в начале XVIII в. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1977. № 3. С. 44–55; Бугров А. В. Очерки. С. 27, 31; Kaiser D. H. 'Forgive Us Our Debts'; Боровой С. Я. Кредит и банки. Особ. с. 206–207, 235–240.

¹¹⁷ Fontaine L. Antonio and Shylock: Credit and Trust in France, c. 1680–1780 // *Economic History Review*. 2001. Vol. 54. P. 39–57 («Несмотря на поворот в мышлении, закон оставался глух к кредиту»).

частного кредитования, устанавливая тайный надзор и сбор сведений, на удивление профессиональные по меркам середины XIX века, а также собирая жалобы частных лиц и секретные донесения о деятельности отдельных заимодавцев и отвечая на них. В ходе этого процесса должностным лицам приходилось делать суждения, касавшиеся таких важнейших понятий, как ответственность и правовые полномочия отдельной личности, несостоятельность и финансовый упадок, а также сложные отношения между требованиями морали и закона¹¹⁸.

В то время как власти весьма сурово подавляли политическое инакомыслие и без всяких угрызений совести пользовались услугами провокаторов и тайных осведомителей для выявления прочих разновидностей организованной или элитной преступности, мне не известно ни одного примера, когда подобного рода ловушки были бы расставлены на ростовщиков. Беспokoиться на этот счет не приходилось практически ни одному заимодавцу, за исключением немногих лиц, явно игравших не по правилам: например, тех, кто задевал интересы влиятельных персон, или тех, на кого слишком часто жаловались. По возможности их предавали суду, но чаще власти сочетали внесудебный торг с выходящими за рамки законов – или, точнее, квазизаконными – санкциями, включая полицейский надзор и административную ссылку. В конечном счете ни одна из этих мер не могла дать удовлетворительного ответа на глубоко укorenившееся беспокойство в отношении моральности рынка и роли государства в его регулировании, но разве этот ответ вообще был возможен?¹¹⁹

Мораль, политика и право

Глубокую неприязнь Достоевского к заимодавцам питал его личный, хорошо известный опыт отношений с кредиторами, но в конечном счете ее корни восходили к давней культурной и религиозной традиции, простиравшейся далеко за пределы России. Еще Аристотель осуждал ростовщичество как несправедливое и неестественное явление, поскольку «проценты – это деньги, порождаемые деньгами», а деньги представляют собой произвольное средство обмена, которому не пристало размножаться. Библейское и христианское осуждение ростовщичества допускало исключения при определенных обстоятельствах, но эта деятельность все же считалась несовместимой с жизнью в мирном сообществе¹²⁰. Само русское понятие «ростовщик» являлось бранным словом, которое легко могло повлечь за собой иск за оскорбление и клевету¹²¹

¹¹⁸ Сходную дискуссию в контексте дореволюционной российской системы налогообложения см. в: *Kotsonis Y. States of Obligation.*

¹¹⁹ *Searle G. R. Morality and the Market.*

¹²⁰ *Geisst C. Beggar Thy Neighbor. Особ. п. 19; Hawkes D. The Culture of Usury in Renaissance England. New York, 2010. О роли антисемитизма см.: Smith H. W. The Discourse of Usury: Relations Between Christians and Jews in the German Countryside, 1880–1914 // Central European History. 1999. Vol. 32. P. 255–276.*

¹²¹ См., например: ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 50. Оп. 4. Д. 7229 (Иванов). Другими распространенными уничижительными терминами были «процентщик», «кулак» и «лихоимец». Более позитивную окраску имело определение «капиталист».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.